

Валерия Бельская

*Как я училась
быть
любимой*

Валерия Бельская

Как я училась быть любимой

«Издательские решения»

Бельская В.

Как я училась быть любимой / В. Бельская — «Издательские решения»,

Как и многие женщины, главная героиня Светлана витает в облаках и мечтает о призрачном принце. Но счастье может быть совсем рядом, его нужно только разглядеть, почувствовать.

Содержание

Начало. День первый – суббота	6
День второй – воскресенье	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Как я училась быть любимой

Валерия Бельская

© Валерия Бельская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало. День первый – суббота

Я сногшибательная красавица! И вот сейчас я главная на главной улице города. Природа щедро одарила меня не только красотой, но умом и талантом, а это редкое сочетание для наших широт. У меня всё есть! Я ни в чём не нуждаюсь! Только страстно хочу любви! И сегодня она случится. И будет всё, как я хочу. До мельчайших подробностей всё исполнится. От юношеской несерьёзной морщинки между бровями, до запаха. И я приму его всего, а он примет меня. Хотя ему, конечно, легче – такому подарку судьбы всякий обрадуется. Только как бы на радостях сердце не захолонулось. Но это мы поправим, откачаем, любить приучим в полную мощь и без вреда для организма.

Глазам не верю, батюшки! Это кто ж сломя курчавую голову навстречу с букетом несётся? Абрамович собственной персоной. В этом, конечно, нет ничего удивительного, просто мне он представлялся меланхоликом, а тут такая акробатическая прыть! Падает на колени и умоляет стать его женой. Ничего так мужчина, пылкий, искренний, опять же обеспеченный, что немало важно в наши экономически нестабильные дни. И я обещала подумать. Никогда не следует выходить замуж за первого встречного олигарха. Гордость нужно иметь девичью. Но всё ж таки решила помочь ему разговор завязать а, то не мычит, не телится. Только букет теребит нервно-чешки. Серьёзу в лицо подпустила, спрашиваю:

– Как там погода в Лондоне, моросит?

– Я в Монако сейчас кантуюсь, – ответил шёпотом. – Там погода стабильно райская.

– Совсем с ума сошла! Нужны мне твои банки! Отравы одна! Кто это станет жрать? Нормальный человек станет жрать? Нормальный человек только в противогазе станет это жрать!

Кто посмел так некультурно орать? Кто диалогу нашему любовному мешает, диссонанс вносит?

– Вот погоди, Витька придёт он тебе покажет, он покажет, как на честных людей напраслину возводит! В суд на тебя подадим за клевету. А ещё лучше в дурку тебя сдадим. Там тебе самое место!

Голос показался мне знакомым. Я открыла глаза и закрыла со стоном. Вот досада! Соседи затеяли свару, и добром дело не кончиться – либо убьют друг друга, либо напьются. Сон для меня главное лекарство, чем больше сплю, тем лучше противостою окружающей действительности. Теперь уже не уснуть. А ведь суббота, законный выходной. Полежала ещё немного, вспоминая сон, улыбнулась блаженно.

Вероятно, мне и в самом деле пора замуж. Об этом говорят каждый день все кому не лень, а не лень всем. Но, к сожалению, мне уже двадцать девять и я не красавица, не умница, не худая, а даже толстая и не умею притворяться. Бывало и рада либезнуть разок-другой, но никак хоть тресни – нападает ступор, а на личике все мысли потаённые отображаются. Так что шансов выйти удачно замуж один на миллион. Но и в моём положении есть свои преимущества – сама себе хозяйка, советчица, ответчица. С другой стороны, ещё чуток и будет совсем поздно. Завести хотя бы любовника, да и родить для себя. А что? Многие женщины так делают... Отчаявшиеся. Но я пока не настолько сильно отчаялась. Или отчаялась, раз такие сны снятся.

Думать о глобальных вещах под грубый несмолкаемый рёв, – не атмосферно, нужно поскорее заткнуть Ингу, хотя задача эта практически невыполнимая.

Не веря в успех предприятия, я всё же двинулась на кухню с твёрдым намерением заткнуть словесную канализацию.

В коммунальной квартире я живу вот уже двадцать лет. Последние десять лет маниакально, ежедневно мечтаю выйти на кухню в одних трусах, сварить кофе, сесть у окна и выпить мааааааленькими глоточками. Потом закурить и слушать тишину вечно.

Возможно, моя мечта и сбудется когда-то. В городе идёт строительство нового моста. Наш дом стоит на месте предполагаемой транспортной развязки. Всем жильцам этого приюта человеческой скорби и заброшенности, обещали по отдельной квартире. Три года назад нам торжественно объявили об этом радостном событии, и строго-настрого запретили прописывать на своей жилплощади кого бы то ни было. Строительство самого моста уже завершено, вокруг не осталось ни одного жилища. А мы всё ждём, ждём... Порой мне кажется, что мы никогда не разъедемся. Мы просто навеки приговорены жить вместе, в полном составе, год от года ненавидя друг друга всё сильнее.

На кухне, я обнаружила ожидаемую картину. Инга, в редких случаях Анатолевна, извергала из своей пасти проклятия в пустоту, то есть в Матрёну Николаевну.

– Нет, ты только глянь, что эта старая коза выдумала! – обрадовалась Инга слушателю. – Говорит типа я эти проклятые банки ворую! Типа они мне они нужны для заготовок. Да в них полстолетия ничего хранить нельзя, отравы сплошная! Похлеще радиации будет!

Матрёна Николаевна, отбивалась как могла.

– Я ведь только спросила, не хотела тебя обидеть. Чего ругаешься так? Банки и вправду пропадают. Я уж и замок сменила...

Последняя реплика привела Ингу Анатолевну в бешенство, и она, вышла на новый виток скандала. Стало ясно, что успокоится Инга не сегодня и не через неделю. И Матрёна тоже молодец, нашла с кем связываться. Сжав сухонькую старушечью ручку, я потянула трясущуюся от страха Матрёну из кухни.

– Что же это такое? Я ведь просто намекнула ей, – ширкая тапочками бормотала страдалица. – У меня и в мыслях не было обвинять! Но что мне делать? Банки-то пропадают! Там все мои запасы! Как я буду зимовать?! Не в полицию же обращаться. Они денег попросят, а у меня откуда? Пенсия маленькая, на лекарства только и хватает.

Я кивала, успокаивала, и не верила старухе. Следует отдельно рассказать об этих проклятых банках. Она знала голод, лютый и всеобъемлющий.

– В войну с помоек ели, головы селёдочные, очистки картофельные. Мать на заводе сутками пропадала, а я дома одна от крыс отбивалась. Палку возьму и луплю по кровати как сумасшедшая. Они ж последнюю еду тащили, людей совсем не боялись, кидались как собаки. А сейчас люди горе забыли, хлеб выбрасывают.

Голод напугал Мотю на всю жизнь. Она верит только в голод и больше ни во что. Чтобы хоть как-то унять страх, делает съестные запасы. Живёт впроголодь, но каждое воскресенье пакует в банки еду. Заготовки прячет в кладовке, расположенной в подвале нашего дома. Все давно привыкли к странностям старухи, и уже никого не удивляет тот факт, что голубцы, например, хранятся у Матрёны не один десяток лет. Полки в кладовой провисли под тяжестью банок, но напуганная старушка, пополняет свои запасы с завидным постоянством. Однажды даже случился неприятный случай. В кладовку проникли местные бомжи, угостившись из банок, отравились серьёзно, говорят кто-то даже умер. Хотя кто их знает этих бомжей, может, голубцы с пельменями их подкосили, может, денатурат, может, просто надоело жить.

Из рассказа Матрёны я поняла, что кто-то повадился красть банки и, конечно, не поверила. Соседи, кто из милосердия, а кто из брезгливости не покусятся на банки даже ради самих банок. Бомжи переселились в более благополучные районы. Крысы чрезвычайно умные животные себе никогда не навредят.

– Понимаешь, свежие заготовки пропадают. Не успею спустить в кладовку, глядь – нету! Я Инге говорю: «Не бери греха на душу. Знаю, продукты выбросишь, а банки возьмешь под заготовки». А она вон как рот открыла! Привыкла на работе гавкаться, думает и здесь можно. Но ничего, я всё равно выслежу кто пакостит и заявление напишу в милицию. Ах ты батюшки совсем забыла, милиция-то нынче платная. Ой беда... беда... А у меня только на лекарства.

Пробормотав что-то ободряющее, я вышла из комнаты. Честно говоря, хоть и хорошо отношусь к старухе, но разговоры вокруг банок с протухшей едой мне изрядно надоели.

Вернувшись к себе, взяла чайник и опять пошла на кухню. Пора, наконец, готовить завтрак. Поставив чайник, уселась на табуретку, и стала смотреть в окно. Пейзаж был давно изучен: на первом плане два тополя, между ними протянута бельевая верёвка, на которой жильцы дома сушат бельё, дальше скамейка, детская песочница без песка, и до самого горизонта – пустырь.

Я смотрела в окно и вспоминала тётку. Тётку мою зовут Елизавета Ивановна. Работала она медсестрой, вернее, не работала, а служила в травматологическом отделении Областной больницы. Больше всего на свете тётка любила свою работу и меня. Однажды, автобус с экскурсантами попал в аварию, и из тридцати человек в живых остались только четверо, один из которых был в крайне тяжёлом состоянии. Тётка по долгу службы и по велению сердца принялась выхаживать мужчину. Через два месяца после выписки он сделал ей предложение и увёз навсегда в славный город Санкт-Петербург. Мужчина оказался вдовцом, имел хорошо налаженный бизнес и буквально молился на тётку, спасшую ему жизнь.

Прошло пять лет с момента замужества тётки, я скучаю по ней, мне одиноко и беспритужно порой, но я счастлива за неё. Всю свою сознательную жизнь она работала, любила меня, не помня о себе. И вот через сорок пять лет судьба смилостивилась над ней и преподнесла щедрый дар в виде принца из Санкт-Петербурга.

И тут неожиданно я увидела мужчину: страшный какой-то, старый, хотя нет, лет сорок-сорок пять, тревожный и весь в чёрном, впрочем, нет, рубашка серая, а брюки синие, джинсы, и обут в кирзовые сапоги, дикость какая! Не глядя по сторонам, он бежал по направлению к нашему дому. Странно, я его не знаю.

Наш дом был построен в конце девятнадцатого века каким-то очень богатым купцом. Несмотря на своё богатство, купец не обладал тонким вкусом, что, впрочем, случается повсеместно и в наши дни, и выстроил каменные покои, напоминающие скорей тюрьму, чем уютное семейное гнёздышко. Поговаривают, что дом обошёлся купцу практически даром. Хитрый коммерсант не рассчитался со строителями, в свою очередь, они в долгу не остались и между делом прокляли всю его семью. Наверное, постройки подобного типа и возраста всегда обрастают легендами похожими на эту, но когда зимним вечером случается выюга, и ветер высасывает воздух из печных труб, мне чудится что это душа скаредного купца мается и рвётся и зовёт на помощь. И тогда мне ещё острее хочется замуж уж хоть за кого-нибудь.

На сегодняшний день в доме только одна наша коммунальная, прости Господи, квартира. В узкий длинный коридор выходят двери комнат, а в конце тоннеля, апофеозом – уголок гигиены – два в одном. Когда-то в доме было два этажа, но от времени второй, вернее, первый этаж, наполовину врос в землю. Жильцов из полуподвала переселили в новые квартиры лет десять назад, только Матрёна Николаевна отчего-то отказалась переезжать, и с полуподвала переселилась наверх.

Родственников, знакомых, знакомых знакомых, всех соседей я знала в лицо, дядька был чужой это ясно. Интересно к кому он так спешит? Пока не буду уходить из кухни, чуть что – первой дверь открою. Но прошла минута, десять, полчаса, а звонок, оповещающий о приходе незнакомца, так и не всколыхнул наше сонное царство. Куда он делся? Или звонок сломался? Не поленилась, сходила, позвонила сама себе. Отличный звук – мёртвого поднимет.

Высунулась в окно – тишина и пустота. Для верности окликнула:

– Эй, дядечка, вы к кому?

– Совсем сдвинулась!

Я чуть не выпала из окна. Инга корова напугала.

– Чего орёшь-то? – сползая с подоконника, спросила я.

– Квартиру спалить хочешь! Не слышишь, чайник надрывается, выкипел весь. Куда пялишься?

Сняв с плиты чайник, наполнила его водой. Электрические чайники мы не держим, – проводка старая, не выдерживает напряжения. Решила поделиться сомнениями с Ингой, зря, конечно, но никого другого поблизости не было.

– Только что видела мужчину, незнакомый, забежал в подъезд, но в квартиру не позвонил.

– Ну и что? Может, мимо прошёл.

– А куда?

– Ну, мало ли по каким делам может ходить человек мимо?

– А что ему тут делать? Домов в округе нет, магазинов тоже. Опять же в подъезд зашёл.

– Зашёл, значит, позвонит. Ты то чего беспокоишься? Или думаешь, принц за тобой прискакал?

– Он полчаса как зашёл. Ты не помнишь ориентировку на маньяка сексуального? Как выглядит?

– Ты точно уверена, что он сюда направился?

– Ну не точно, но, кажется, да. Или нет?

– Всё привет, надоела ты мне. Мужика тебе надо, тогда маньяки перестанут мерещиться.

– Думаешь, мне показалось?

– У тебя мозги от гормонов плавятся, вот ты и придумываешь невесть что. Маньяк сексуальный! Ха! Да на тебя импотент не вскочет.

Вот где логика у человека? На фигу импотенту вскакивать на женщину? Но разве что воскресить в памяти былые возможности? И как-то стало обидно, что меня держат за свихнувшуюся от отсутствия мужчин истеричку. И прям всё зачесалось от желания отомстить Инге. Выпучив глаза, сведя их к переносице, загадочным шёпотом я прошипела:

– Знаю, кто это был!

От любопытства Инга забыла перестать улыбаться и тоже выпучила глаза. А я пошла в «астрал»: лицо одухотворённое, голос утробный, и торжественность во всём теле, будто озарение у меня будто информацию из космоса читаю.

– Душа бродит, вся в чёрном. Твой час пробил Иннушка!

– Ты чего это? – не переставая улыбаться, тупила Инга. – Какая душа? Мелешь то чего?

– Дедушкина душа! За тобой и за Витей явилась. По одному вы ей не нужны, берёт оптом. Я её тут не первый раз вижу. На днях разговорились, она мне и поведала...

– С кем ты разговорилась?

– Объясняю же с душой дедушки вашего.

Инга, издав неестественный горловой звук, бесшумно опустилась на табуретку.

– Ой, мамочки, ты и впрямь больная!

– Ничуть. Вы думали, что никто не узнает, а он, дедушка-то ваш вернулся и всё мне рассказал!

История с дедом давняя и не очень красивая. Вернее, просто омерзительная. Инга привезла деда из деревни, объясняя свой поступок заботой о здоровье предка. Дом в деревне был моментально продан, на вырученные деньги куплена машина. Дед оказался бесполезным и за ненужностью его определили в дом престарелых. Пётр Ильич прожил там неделю, и умер, я так думаю от тоски и вероломства внучки. Соседи выказали общее порицание и мстили супругам по мере сил и фантазии. Инга со свойственной всем торговым работникам старой закалки уверенностью в своей правоте, реагировала на выпады и пакости криком и проклятиями. Непокаянная душа у женщины.

Видя как соседка напугана, распаяясь всё больше, я вещала замогильным голосом:

– Отмщение за грехи ваши пришло, и аз воздам! Пришло время собирать камни!

– Какие камни? Какое отмщение? Какой аз? Не пугай ты меня! – бескровными губами шептала предательница.

– Дедушку-то вы уморили! Сказывал он мне про все ваши художества! Голодом морили! Издевались!

– Опомнись! Попей водички, что ли... И не морили мы его вовсе. А что в приют сдали, так это всё Витька. Говорит, зачем он нам, всё равно ничего уже не соображает, только место занимает.

– Вот, вот, и я о том же!

– Постой, – опаматовалась Инга, – так ведь ты говорила вроде никогда прохожего этого не видела.

Да, неувязочка вышла. На минутку я растерялась, но только на минутку.

– Душа, не имеет возраста и определённого обличья! – резюмировала я и, сняв чайник с плиты, гордо удалилась в комнату.

Вот тебе корова некультурная! А будешь поклёп возводить, и не такое придумаю! Включив телевизор, я села завтракать, но тут за дверью послышались возбуждённые голоса.

– Это не я, это она так сказала, – всхлипывала Инга.

– Одна дура треплет, другая слушает, – ревел Виктор Степанович.

– Вот и ступай к ней, разберись, чтобы не болтала лишнего.

– Разберусь, навеки язык прикусит.

Не то чтобы я испугалась, но первой мыслью было не открывать дверь. Но, решив, что гневное негодование может настичь в любой самый неподходящий момент, принялась лихорадочно обдумывать план действий. А чего тут думать?! Молнией метнулась к холодильнику достала бутылку початой водки, и тут в дверь забарабанили вороги.

– Кто там?

– Открой, Светка! Щас вынесу твою фанерку мать... мать... мать...

– Ой, бегу, бегу, открываю!

Не успел Виктор Степанович открыть свой прокуренный рот, я сцапала его за ворот рубашки, дёрнула в комнату и с треском захлопнула дверь. По другую сторону баррикад, прильнув к замочной скважине, тяжело и надо сказать очень сексуально, дышала Инга. Мы хранили молчание, Витюша от неожиданности, я от ложной скромности. Отпустив ворот рубашки, я пальцем поманила непрошенного гостя вглубь комнаты. Витя как под гипнозом сделал несколько нерешительных шажочков, но, резко притормозив, рыкнул:

– Чего чудишь? Я по делу пришёл. Если думаешь меня одурачить, зря стараешься, я не Инга. Этой дуре можешь кружева плести. Я в случае чего и накостылять могу. Поняла?

– Поняла. Выпить хочешь?

Этот незамысловатый вопрос вызвал в алчной душе Виктора бурю эмоций. С одной стороны, нужно поставить зарвавшуюся соседку на место, с другой – дармовая выпивка.

– У меня и огурчики солёные имеются, и капусточка с лучком и маслицем подсолнечным, и груздочки хрустящие. Нешто не уважишь, ну так, чисто по-соседски? – искушала я.

Сломленный Виктор безгласно сглотнул слюну так, что кадык, интенсивно заколебался норовя разрезать горло пополам, кивнул смиренно, и уселся угощаться.

Не говоря ни слова, налила полную рюмку холоденькой водки и с поклоном поднесла гостю. Сосед не стал больше выделываться, и с превеликим удовольствием опустил в разверзшую пасть вожденную влагу. Хрустя огурцом, уже миролюбиво поинтересовался:

– Чего у вас получилось-то? Моя прибегает, глаза выпучила, воет, говорит дед пришёл. Ну, думаю, крыша от жары расплавилась. Какой говорю дед-то? А она: «Родный Пётр Ильич»! Потом выть принялась, про грехи всё твердила. Выяснилось, что это не она, а ты деда видишь. Зачем пугала-то? Баба на голову слабая у меня глядишь, и впрямь с катушек слетит. В дурке засядет, не видать нам тогда двухкомнатной то. На одного мне однушка полагается.

Налила вторую рюмку и, переждав, когда её содержимое вновь исчезнет в бездонном организме, сокровенно прошептала:

– Давно с тобой поговорить хотела Витя.

– Об чём? – также шёпотом спросил мужик.

– Я ведь медик хоть и не психиатр, но отклонения от нормы определить могу. Давно за Ингой замечала неладное. Ты всё в трудах, дома не бываешь, а нам, соседям, всё очень даже заметно.

– Чего заметно?

– Состояние Инги. То ни с того ни с чего кричать начнёт. То сама с собой на кухне разговаривает. То хохочет, то плачет. На дню кругов десять пройдёт. Это ведь не я, а она мне про деда рассказывала, да всё сокрушалась, что ты его в дом престарелых сослал.

– Что, прямо так и сказала?

– Честное слово. Говорит, Виктор приказал, мы его и свезли.

– Вот гримза! Сама же ныла, что надоело за ним убирать. Никакого порядка в доме, да и ест много. Ночью всё нашёптывала: свези дедушку с глаз долой. А теперь, значит, на меня стрелки переводит.

Кипя праведным гневом, Витя, однако, не забывал наливать из бутылки и с аппетитом закусывать.

– А дедушку она уже месяца два видит. Говорит, приходит к ней по ночам и беседует.

– Во, даёт! Чего-то раньше за ней такое не замечал? Чё-то ты врешь, однако.

– Люди, страдающие психическими отклонениями, очень хитрые. Живёт человек, никто и не подозревает, что с ним неладное твориться, а потом – бац! в один прекрасный день про-рвало. Убийство, суицид ну и прочая клубничка. Мой тебе совет, вези-ка ты свою зазнобу к специалистам.

– Специалисты деньги высасывать начнут, – отверг моё предложение заботливый муж.

– Психиатрическая помощь у нас в стране бесплатная, – не сдавалась я.

– А лекарства, процедуры всякие. Может, ещё курорт пропишут, на больничный посадят, а нам деньги нужны. Переезжаем ведь со дня на день, на мебель собрать надо, на ремонт, технику опять же прикупить. Нет, пусть работает пока. А как переедем, там и полечиться можно, чего уж... я понимаю... если только бесплатно.

– Ну, как хочешь. Только будь повнимательней с ней. А я энциклопедию полистаю, может, найду для неё лекарство.

– Дорого? – осведомился Витя.

– Для тебя бесплатно. Сама куплю не переживай, мы же соседи, должны помогать друг другу.

– Вот спасибо! – воскликнул благородный муж, уговаривая последнюю рюмку. – Пора мне, а то Инга взбесится, – и заржал удовлетворённый шуткой.

Пришлось разделить его веселье и подхихикнуть. Церемонно прощаясь возле двери, Виктор Степанович сердечно благодарил за прекрасное угощение, за заботу о здоровье супруги. Под конец торжественно объявил:

– Ну а теперь я тебя поцелую.

Тут обнаружилась Инга.

– Щас! Поцелует он! Иди домой забулдыга. За бутылку жену продать готов!

Витя предпочёл убраться. В коридоре супруги продолжили спор. Но на этот раз, Виктор отчаянно меня защищал. Вот и славненько, день до обеда не прошёл впустую, справедливость восторжествовала, Матрёна Николаевна отомщена!

Позавтракав, наконец, завалилась на диван, закрыла глаза. Одна неотвязная и тревожная мысль сидела в голове: кто этот незнакомец? Что меня в нём встревожило? Впрочем, это занятие быстро опостылело и я приказала себе не думать о «чёрном» человеке. Мало ли придурков

бродит по свету? Пойду на речку, позагораю, дурь из башки выветрю. Лето в этом году отменное, тела согорожан давно покрылись красивым шоколадным загаром, а я бледная как поганка.

Стук в дверь и голос соседки Августы Павловны:

– Светочка, вас к телефону.

Сто против одного, что звонит моя подружка Лёлька. Двести против одного, ей от меня что-то нужно. Мы находимся на задворках цивилизации, здесь не только отсутствует всякая жизнь, но ещё и сотовая связь. Спасает стационарный аппарат.

– Светик, ты дома? – проорала Лёлька.

Более идиотского вопроса трудно придумать. Естественно, если я подошла к телефону, значит, дома.

– Никуда не собираешься? – невинно поинтересовалась подруга.

Смекнув, что моё свободное время начнут эксплуатировать не в моих интересах, на всякий случай предупредила:

– Скоро ухожу.

– Куда? – тут же поскущнула собеседница.

Я не придумала ничего интересного и сказала правду:

– На пляж, позагорать хочу.

– Чудесно! Скоро буду, без меня не уходи!

Интересно, что же ей нужно на этот раз? Лёлька отличная подруга, добрая, отзывчивая способная прийти на помощь, невзирая на время суток и погоду за окном. Не без недостатков, конечно. Например, очень любит эксплуатировать людей. Все вокруг, так или иначе, должны ей служить. Ещё любит выходить замуж. Периоды, когда она неожиданно-негаданно остается одна, переживает крайне тяжело. И вот это караул! Я вынуждена выслушивать длинные, нудные монологи о волосатых грязных существах, вероломности, неблагодарности, предательстве. Перемежаются монологи клятвами никогда не выходить замуж. Мало того, она ещё пытается заливать горе. Нет, Лёлька не алкоголик и даже не пьяница, в другую пору практически не пьёт. И лишь когда в очередной раз происходит крушение семейных надежд, глушит до тех пор, пока в квартире не поселится очередной предатель. При детях (а их у Лёльки трое), пить конфузится, поэтому топит горе в моей холостяцкой обители, уходит домой лишь ночевать.

Надеюсь, на этот раз она не собралась разводиться, в противном случае ближайший месяц придётся провести в компании пьяной подруги. Тьфу, тьфу, тьфу. Чур меня. Лёля примчалась минут через десять. Влетела в комнату, таща за собой младшую шестилетнюю дочь Сашеньку.

– Фу, запыхалась. Я не задержала тебя? – лишь бы спросить спросила подружка.

– Нет, что ты, проходите.

– Некогда, меня ждут. Слушай, посидишь с Сашкой? Пацаны у своих бабушек дачи рушат, а её никто не взял. Бойтся одна дома оставаться.

– А ты куда подалась? – поинтересовалась я в свою очередь.

– Ой, потом расскажу! Некогда. Вот тут фрукты, йогурты. Покорми её и сама поешь. –

И протянула полиэтиленовый пакет доверху набитый снедью. Объём продуктовых запасов ясно свидетельствовал о том, что подруга отбывает на все выходные.

– Когда вернёшься?

– Сегодня вечером, – ответила беззаботная мамаша, пряча глаза. – Обещай мне, что будешь вести себя тихо, и не приставать к Свете с глупыми вопросами, – напутствовала Лёля дочь.

Сашенька легко согласилась. Но мы все трое были уверены в том, что подобное обещание просто фикция, этот ребёнок в спокойном состоянии может пребывать не более десяти минут. Но Лёлька сделала вид, что поверила маленькой хитрюге. Ей так было спокойнее. Поце-

ловав дочь, заодно облизывая и мою щёку, романтически настроенная женщина, умчалась навстречу любовным приключениям.

Роль няньки не нова для меня. Когда сыновья подруги были помладше, Лёля частенько подбрасывала их мне. Братовья не отличались кротостью нрава, были совершенно неуправляемы. На исходе вторых суток, сломленная, я позволяла им делать всё что заблагорассудится, в конце концов, здоровье дороже. Поэтому смирившись с выбитым стеклом, перевёрнутыми вещами, опустошённым холодильником, я садилась в кресло, и тихо улыбаясь неотрывно, пялилась на часы, считая минуты до появления энергичной матери буйных отроков. Лёля умела приводить в чувство зарвавшихся бузотёров одним взглядом. Они как по команде становились скромными, молчаливыми, воспитанными, глаза их светились кротостью.

Лёлка устраивала допрос, по поводу поведения своих отпрысков, и я, глядя в голубые доверчивые ребячьи глаза, не могла ябедничать. Не оттого, что мне это совсем несвойственно, а оттого, что не верила сама себе. На самом ли деле именно эти дети выматывали мне душу диким рёвом, разоряли комнату, ведя бесконечную войну с невидимым противником?

Неделю, после посещения юных хулиганов, я приходила в себя, и блаженно радовалась, что не обзавелась неосмотрительно потомством. Казалось, заведи я хоть одну такую отчаянную голову, навеки слегла бы с инсультом. Слава богу, мальчики подросли, и их теперь рискуют брать на дачу бабушки (поскольку отцы у детей разные, то и бабушки соответственно тоже).

Лёлка, умудрялась со всеми бывшими мужьями, и о чудо! свекровьями, поддерживать хорошие отношения. Они дружили домами, ходили, друг к другу в гости, устраивали совместные пикники, выезды на дачу. Этому в немалой степени способствовало то, что Лёля была очень отзывчивым человеком. Её все любили.

На фоне своих братьев, Сашенька, конечно же, была ангелом. Она не бегала с диким рёвом, не выскакивала из-за угла на соседей, приказывая задира́ть руки вверх и сдаваться в плен, не прыгала на диване, поднимая столбы пыли и сминая простыни, одеяла и подушки в один бесформенный ком. Но, уродившись по образу и подобию своей мамочки, была чрезвычайно болтлива, могла говорить двадцать четыре часа в сутки. Это бы ещё ничего, но Сашеньке непременно требовались ответы, на поставленные ею вопросы.

И вот теперь в компании милой девчушки мне предстояло коротать выходные. Несмотря на болтливость, я, несомненно, любила Сашеньку, и от души порадовалась, что выходные мы проведём вместе. Наверное, во мне всё же жив инстинкт материнства. В моём возрасте давно пора иметь детей. Почему-то хочется, чтобы моя дочь (я хочу именно дочь), была похожа на Сашеньку. Такая же умная, болтливая, и немного хитрая.

Сашенька нерешительно прошла к столу и села на слишком высокий для маленького человечка, стул. Ноги ребёнка в ярко красных новых сандалиях болтались в воздухе. На них падал солнечный свет, и маятникообразное движение ног завораживало. Впрочем, Сашенька и не догадывалась, какое впечатление произвели на меня её новые сандалии. Она яростно жевала жвачку, надувая огромные розовые пузыри. В прошлое своё посещение счастливая Саша демонстрировала своё умение надувания пузырей. Её обучили шустрые братцы, и теперь, девочка ни на минуту не расстаётся с жевательной резинкой.

– Ты голодна? – спросила я ребёнка.

– Нет, мама покормила.

– Пойдёшь со мной на пляж загорать?

– У меня нет купальника, – сообщила Саша.

– Тебе спокойно можно загорать в трусиках. Это нормально для девочки твоего возраста.

Сашенька перестала жевать, и уставилась на меня.

– Для девочек моего возраста, полагается иметь помимо трусиков и верхнюю часть купальника.

– Зачем? – глупо поинтересовалась я.

- А грудь? Там будут мальчишки, они начнут смеяться.
- Не думаю, чтобы на пляже было много мальчишек.
- Нет, – твёрдо сказала Саша, – без купальника не пойду.
- Хорошо, купим тебе купальник.

Наш дом расположен в самом центре города. Неподдалёку, находится вещевого рынок, где предприимчивые и работающие представители многочисленного китайского народа, продают за бесценок вещи. Вот туда мы и направились с тем, чтобы приобрести девочке так необходимый в её возрасте купальник.

Посещать толкучку в тридцатиградусную жару, да ещё и выходной день, дело крайне неблагоприятное. Через пятнадцать минут блуждания по рынку в поисках купальника, у меня закружилась голова. Хотелось пить, и сбросить всю одежду вместе с кожей. Всё время подгоняя Сашеньку, я торопилась завершить наш поход. Но девочке, судя по всему, нравился мир шумной и бестолковой суеты. Она с откровенным восторгом смотрела на происходящее. То и дело мы останавливались, и Сашенька как бы невзначай обращала моё внимание на ту или иную безвкусицу. Так что мы были на толкучке не полчаса, как я рассчитывала, а два.

Саше удалось вымолить купить ей колечко, бусики, резной веер и соломенную шляпку. Ещё ей срочно понадобился лак для ногтей, тёмно-фиолетовый, с мелкими белыми вкраплениями. Я заметила, что девочки в возрасте шести лет, если и могут красить ногти, то только в светлые, пастельные тона, но маленькая выражала парировала:

– Тётя Света, меня в садике засмеют. У нас все девчонки только таким лаком ногти красят.

Пришлось уступить, дабы ребёнок не чувствовал себя ущербно в стане модных одноклассников. К тому же мне не терпелось покинуть место сумасшедшей торговли.

Придя на пляж, мы долго выискивали место под солнцем. Собственно говоря, слово пляж в отношении небольшого клочка песка на берегу мелкой речушки, звучало несколько высокопарно. Это скорее приют для страждущих хоть как-то разнообразить летнее прозябание. Мы втиснулись между группой молодых ребят и семейной парой преклонного возраста.

Подростки практически всё время проводили в воде, и прибежали на место дислокации, исключительно чтобы согреться. Падая ничком на пледы и полотенца, трясясь в ознобе, громко стуча зубами, подставляли свои синие тела тёплому солнцу. Когда, в конце концов, солнце по-матерински заботливо обогревало молодых любителей водных процедур, пацаны вновь ныряли в речку до очередного переохлаждения.

Немолодая пара представляла собой весьма живописное зрелище. Мужчина был облачён в брюки, закатанные до колен, его сморщенный торс, покрывала густая седая растительность. Дама – за неимением купальника, не претенциозно щеголяла в нижнем белье. Её грудь шестого размера, поддерживал чёрный бюстгалтер, нижнюю часть украшали трусики, способные служить чехлом для автомобиля. У обоих супругов, на голове красовались жёваные соломенные шляпы, на носы, любители пляжного отдыха нацепили листья подорожника.

Сашенька немедленно побежала к воде, и слилась с крикливой компанией сверстников. Она удивительно быстро заводила знакомства. Это качество верно унаследовала от своей бесшабашной мамы. Наблюдая краем глаза за плюхающейся в лягушатнике Сашенькой, я с превеликим удовольствием вытянулась на полотенце, предоставив своё брэнное тело на растерзание солнцу. Испытывая невероятную благодать от тёплых ласковых лучей, я почувствовала себя почти или даже совсем счастливой. Сон подкрался мягко, суля невероятное наслаждение. Очнувшись я от крика тётки.

Семейная пара устроила небольшой пикник, и с платонической жадностью поглощала съестные припасы, в огромном количестве разложенные на газете. Поразительно, но практически все российские граждане, заботятся о наполнении желудков, едва отойдя от дома далее чем на три метра. Особенно они расположены это делать на природе.

Пара, расположившаяся с правой стороны от меня, была не исключением. Сваренные вкрутую яйца, сочные сардельки, колбаса, селедка, редиска, помидоры, чёрный хлеб, листья салата и веточки петрушки обильно запивались горячим чаем. И вот идиллию вкушения пищи нарушили дети, которые играли в мяч, да этим самым мячом угодили случайно в импровизированный стол. И вот поэтому тётка орала как потерпевшая. А бедная моя Сашенька, прибежавшая за мячом, стояла и слушала откровенную площадную брань.

– Обалдели совсем! Мать... мать... мать... – с набитым ртом вопила дама, – поесть спокойно не дадут. Ублюдки, арестанты! Недоноски проклятые! Изверги! Ты чего стоишь? Пошла отсюда! Сучка малолетняя.

– Тётенька извините, мы не хотели, чтобы мячик попал в вас, попыталась оправдаться Сашенька.

– Не хотели они. Придурки безмозглые! Помидоры помяли, песок натрясли. Убирайся, не отдам мяч.

Я решила вмешаться.

– Простите детей, они и вправду нечаянно. Отдайте мяч, а я постараюсь стрясти песок с вашей газеты.

О! наконец-то, у хамки нашёлся достойный объект для оскорблений, и она принялась чихвостить меня с энтузиазмом способным без ракеты улететь в космос.

Честно говоря, я опешила и не знала как вести себя дальше. Мне никто не говорил таких слов да ещё с такой злостью. Тётка с упоением оскорбляла меня, перечисляя всё физическое несовершенство моей фигуры и лица. Я никогда не думала, что произвожу на людей такое отталкивающее впечатление. Со слов честной женщины выходило, что я просто урод. Внимание всего пляжа было приковано к этой безобразной сцене, даже дети перестали возиться на берегу, и раскрыв рты слушали грязные бесконечные ругательства. Не дожидаясь финала словоизвержения, я направилась в стан врага с твёрдым намерением забрать мячик. Но лишь я приблизилась, тётка вскочила на ноги, и усилила громкость. Её супруг, доселе молчавший и не без удовольствия следивший за происходящим, поднялся и по-Ленински прищурился, ласково осведомился у Сашеньки:

– Деточка, ты мячик хочешь?

Саша испуганно, кивком головы подтвердила. Тогда милый дедушка, взяв в руки мяч, пнул его ногой далеко в кусты.

– Иди лапушка, там твой мячик.

До Саши не дошёл смысл произошедшего. В её понимании женщина, которая кричала и только что оскорбляла меня, была плохой, а вот дяденька, тихо и ласково разговаривающий – хороший. Дедуля вновь уселся на полотенце и повторил:

– Беги, там твой мячик.

– Но там же крапива! – испуганно прошептала девочка.

– Вот ты и беги в крапиву, самое тебе там место, – и заржал придурок.

Добрая тётенька, затряслась всем телом. Она то сгибалась пополам, то разгибалась, запрокидывала голову, давясь смехом, хрюкая от удовольствия, мощная грудь колыхалась, грозя выпасть из бюстгальтера.

Сашенька заплакала, а я абсолютно деморализованная, отправилась за мячом. Доставая его, я обожгла ноги о крапиву. Не то от боли, не то от оскорбления, нанесённого ни за что ни про что, я заплакала. Возвращаясь, вдобавок наступила в глубокую лужу, не высохшую после недавнего дождя. По краям лужи, свисала комьями грязь, и это натолкнуло меня на мысль о мщении.

Застопорившись возле лужи, я положила мяч на траву, и нагнулась. Грязь была знатная. Отломив один кусок, начала методично, как заводная, пулять комками грязи в противников. Сколько времени продолжалась моя бомбардировка, не знаю, я видела лишь грязь и слепящие

лучи солнца. Остановил меня не вполне трезвый мужик синий от татуировок, украшающих всё тело:

– Хорош, детё напугаешь.

Это подействовало на меня отрезвляюще, и я, наконец, смогла обозреть поле битвы. Всё вокруг смолкло. Поверженные враги, с ног до головы были забросаны противной жижей. От импровизированного стола, не осталось и следа. Собственно я выглядела не лучше деморализованных неприятелей. Руки, ноги, купальник также были забрызганы. Очки я потеряла в пылу битвы, волосы торчали в разные стороны.

Когда я гордо прошествовала мимо обстрелянных супостатов, тётка попыталась, было открыть рот, но я, подойдя вплотную тяжело дыша и дрожа, прошипела:

– Ещё вякнешь, убью. Поняла?

Возможно, мой вид, тон которым я пообещала осуществить расправу, заставили поверить в серьёзность моих намерений, и злющая тётка закрыла пасть.

Я нырнула в речку, и поплыла. Холодная вода полностью охладила мой пыл. Доплыв до середины, я перевернулась на спину и легла на воду. Думать и двигаться не хотелось. Когда выбралась на берег, каждый уже занимался своим делом. Сладкая парочка испарилась, словно их и не было. Я плюхнулась на полотенце, стуча зубами то ли от холода, то ли от чрезвычайного душевного волнения. Подбежала Сашенька и молча уселась подле. Но девочка не могла долго безмолвствовать и потому через минуту шёпотом произнесла:

– Тётя Света, я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – в тон девочке ответила я.

Она наклонилась ко мне, и чмокнула в затылок. Эта милая детская благодарность вызвала в моей душе бурю эмоций, и, обмякнув, я разразилась рыданиями. Сашенька, лишь гладила меня по голове, и приговаривала:

– Не плачь, миленькая, ну не плачь. Всё хорошо же, правда? Не плачь, а то я тоже заплачу.

Она долго уговаривала меня, но слова её вызывали лишь новые потоки слёз. Устав от безрезультатных попыток, она применила последнее успокоительное средство:

– Ты скоро женишься, правда, правда. И вовсе ты не толстая, а просто пухленькая. Это красиво. А тётка жирная и тебе позавидовала. Женихи таких любят. Мой папа, ругает маму, за то, что она худая, и говорит, что женщина должна быть как подушка, тёплая и мягкая. Ты ведь мягкая и поэтому скоро женишься.

Мне стало хорошо от нехитрой детской ласки. Я села, и желая подыграть ей, спросила:

– Ты и вправду думаешь, что я скоро жениха себе найду?

– Конечно, – откликнулась девочка, обрадованная моей перемене настроения, – найдёшь, самого лучшего. Тебя мама научит. Она быстро женихов находит. Вот и сегодня, сказала тебе, что по делам едет, а нас до твоего дома, вёз дядя Слава на своей машине. Они к нему на дачу поехали, шашлыки жарить.

Новость была неожиданной. Моя разлюбезная подруга, обычно дожидалась развода, а уж затем отправлялась на поиски новой любви. На этот раз, судя по всему, дело обстояло иначе. Лёля продолжала жить с Алексеем отцом Сашеньки. Тот факт, что она отправилась на дачу с неведомым мне дядей Славой, говорил о том, что подруга решила сменить тактику.

– Вероятно, дядя Слава сослуживец твоей мамы и они поехали по делам, – неискусно попыталась переубедить я Сашеньку.

– Нет, ты не понимаешь, мама поссорилась с папой, папа пришёл ипимши, она набросилась, била его по спине и кричала: «Ненавижу! Гад проклятый! Всю душу вымотал!»! А папа руками закрыл голову, и всё время спрашивал: «А что я сделал-то? Что я сделал?»

У Сашеньки несомненный актёрский талант. Она точно передаёт не только интонацию, но и физические особенности людей. Вот и сейчас, рассказывая о семейном скандале, она гневно трясла кулачками, опуская их на голову провинившегося супруга, и тут же прикрывая

голову руками, оправдывалась как отец. Я чуть не расхохоталась, оттого насколько точно были изображены персонажи. Но вслух произнесла:

– Сашунь, только не надо рассказывать всем подряд, что мама уехала с дядей Славой, и побила папу. Хорошо?

– Я не всем подряд. Только тебе, да ещё в садике девчонкам. Да ещё бабушке Марии. Во дворе тётке Клаве и Евгению Борисычу.

– Кто такой Евгений Борисович?

– Дворник наш.

– Ну вот видишь, ты всем выболтала! – воскликнула я. И когда ты всё успеваешь?

– А что, они ведь никому не расскажут. Бабушка Мария пожалела меня и сказала, что родители плохие. Девчонки хохотали, тётя Клава всё время охала, и сама спрашивала меня. Только Евгений Борисыч ничего не сказал.

– Почему?

– Он немой. Он только ходит и улыбается, да ещё нам конфетки раздаёт. Он добрый, точно никому не расскажет! – успокоила меня Саша.

– Ладно, пойдём домой.

Мы собрали вещи, и поплелись домой. Несмотря на то что Сашеньке удалось-таки привести меня в чувство, я покидала пляж в расстроенных чувствах. Если моя тётка видела меня полчаса назад, она наверняка умерла бы от горя. Елизавета Ивановна никогда не повышала голос, даже тогда когда ей откровенно хамили. Она всегда пыталась оправдать людей и их пороки. Учила меня не отвечать агрессией на агрессию. И это наверняка правильно. Вот только я, несмотря на все её старания, плохо усвоила урок. То и дело хамы провоцируют меня на неадекватные поступки, и я ничего не могу поделать с собой, как ни уговаривай. Вот и сегодня не сдержалась, и устроила безобразную сцену. Вероятно, я ещё нескоро отважусь посетить пляж, думаю, воспоминание о сегодняшнем дне ещё долго будут будоражить меня.

Полдороги мы прошли молча. Глядя на девочку, я подумала, что она абсолютно забыла о происшествии: Сашенька так беззаботно скакала, вывинчивая мне руку.

– Саша, ты уже взрослая девочка, могу я положиться на тебя?

– А что ты на меня хочешь положить? – живо откликнулась девочка.

– Не положить, а положиться, это разные вещи.

– Значит, ты хочешь на меня положить себя?

Беседа зашла в тупик. Я долго подбирала слова, которые будут доступны пониманию Сашеньки. Оказывается, объяснить детям простые вещи, не так то легко. Наконец, я сориентировалась:

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Конечно, одолжу, тётечка Света, я ведь сегодня тебя люблю.

– Так вот, я прошу никому – никому не рассказывать о том, что я забросала грязью наших обидчиков.

Сашенька искренне удивилась.

– Почему? Здоровски у тебя это получилось. Земля летит, тетка кричит, а дядечка только руками прикрывается. Я чуть не упала со смеху. И потом, они были такие грязные, как поросята. Моя мама, когда я выпачкаю платье, говорит, что я маленький поросёнок. Но тётя Света, я никогда не была такая грязная, как эти злючки. Не знаю, а мне понравилось, что ты их закидала грязью. Не будут обзывать, а ещё материться нехорошо. Если папа услышал, что я говорю такие слова, он бы мне ремня всыпал. Жаль, что у тебя не было ремня. Им обоим надо было всыпать как следует, чтобы плохие слова не говорили.

– Это замечательно, что мы их проучили, я думаю, они навсегда забудут нехорошие слова, только всё же прошу, не говори никому. Пусть это будет наш секрет. Ладно?

– Ага, – легко согласилась Сашенька.

Но в моей душе все же возникли сомнения по поводу её умения хранить тайны.

Вечер прошёл спокойно. Мы поужинали, затем долго и бессмысленно хохотали, смотря третьесортную, рассчитанную на людей с низким интеллектом, комедию. Затем, уютно расположившись на диване, читали о проказах толстого человечка с пропеллером, и снова смеялись.

Я расстелила диван, мы улеглись спать, но перед сном, ещё долго разговаривали на разные житейские темы. Сашенька рассказывала о своей жизни в детском саду, о своих друзьях и врагах, о хороших и злых воспитателях. Затем она заговорила о замужестве:

– Я не женюсь на Вадике, он в носу ковыряет, и у него постоянно сопни текут. Представь, как противно целоваться, когда у мужа текут сопни. Я лучше женюсь на Андрюшке. У его папы здоровская машина, и он возит на ней Андрюшку в детсад. Правда, сейчас Андрюха любит Таньку Ивачкину, но ничего, потом меня полюбит, и я женюсь на Андрюшке.

– Женщины не женятся, а выходят замуж, это мужчины женятся, – сделала я замечание.

– Это неправильно. Раз он жених, значит, я должна на нём жениться.

Аргумент был железобетонный. И я умилилась уму и находчивости ребёнка. Но, всё же желая несколько подзадорить её, спросила:

– А вот если ты невеста, следовательно, мужчина должен на тебе невеститься?

Молчание длилось длительное время. Наконец, Саша вздохнула, и вынуждена была сознаться.

– Нет, если я невеста, он должен на мне жениться.

Сон сморил Сашеньку, абсолютно неожиданно. Только что она бодро рассуждала на тему взаимоотношений полов, и вот я уже слышу её мерное сопение. Я улыбнулась, и поцеловала ручку, расprostёртую на подушке. От Саши приятно пахло теплом, летом, спелыми фруктами, детским мылом, и ещё чем-то потрясающим, жизнью, наверное. Этот ночной детский запах сводит с ума всех матерей на свете, заставляя забыть все дневные шалости своих ненаглядных чад.

Я тоже благополучно задремала, но в тот момент, когда Морфей был готов окончательно заключить моё сознание в свои объятия, в дверь тихонько постучали. Мне абсолютно не хотелось общаться на ночь глядя, с кем бы то ни было, а с соседями в особенности, но стук тихий и настойчивый, повторялся с упрямством, достойным лучшего применения. Я выскользнула из-под одеяла, и шёпотом поинтересовалась:

– Кто там?

– Светик, это я Нюся.

Анна Коробкова, а в простонародье Нюся, актриса местного драматического театра. Ей пятьдесят. Живёт Нюся, как и я одна. Дети и муж отсутствуют. Первых не дал Бог, мужем же Нюся не обзавелась по молодости. С полной самоотдачей она служила высокому искусству, которое не терпело наличие семьи. Соседка любит вспоминать о своих многочисленных романах. С её слов выходило, что практически всё мужское население города в своё время признавалось ей в любви. По какой причине им было отказано, не упоминалось, но Нюся ничуть не тяготится своим одиночеством, и считает себя свободной созидательной личностью. Нюся душевный и бескорыстный человек.

Актёрская профессия, бесспорно, наложила свой отпечаток на поведение Нюси. В обыденной жизни, она слишком ярко и восторженно выражает свои эмоции, если дело касалось радостного события. Если же обстоятельства были печальны, то Нюся предавалась горю с абсолютным самозабвением, сопровождая бурные рыдания, заламыванием рук, высокопарными монологами о смысле жизни и всего сущего. Лишь один, но значительный недостаток был у этой женщины, она была алкоголичка.

Впрочем, мозги не пропивала, могла противостоять болезни, если того требовали профессиональные обязанности. Театр в городе один, и Нюся была в нём на хорошем счету. Если бы не её пагубная привычка, то наверняка она имела гораздо больше, чем имеет сейчас.

Любимой темой этой неординарной женщины, было упоительное, самозабвенное восхваление своего таланта. Все роли без исключения в исполнении Анны были звездными. Режиссёры практически всех театров страны мечтали видеть её в своей труппе, но Нюся (опять-таки с её слов) никогда, ни при каких обстоятельствах, не променяет свой театр на столичный, пусть даже самый лучший. Вы даже не пытайтесь спрашивать «почему». Нюся глянет на вас, как на лишённое всякой мыслительной деятельности существо – и не ответит.

– Светка открой! Это я Нюся, – шептала соседка заплетающимся языком.

– Нюся, я сплю уже, – ответила я, не открывая дверь.

Как пить дать, у Нюси какое-то очередное радостное событие, и требуется разделить с ней эту радость.

– Открой! Поговорить надо, – не отлипала актриса.

Смирившись, что мне ни за что не отвязаться от прилипчивой соседки, открыв дверь, я юркнула в коридор. Только Нюся была не одна. Рядом блаженно улыбаясь, икая и пошатываясь, стоял мужчина. Я, было, собралась смутиться своего внешнего вида, но поняв, что мужчина пребывает в той стадии опьянения, которая не предполагает объективного понимания действительности, раздумала конфузиться.

– У нас сегодня праздник – сезон закрыли, – в полный актёрский голос информировала Нюся.

– Поздравляю, – зевая, отозвалась я.

Так, понятно, меня сейчас потащат за стол пить водку, закусывая её баклажанной икрой с хлебом. Я не хотела пить водку и икры с хлебом тоже не хотела. Но Нюсе было абсолютно плевать на мои желания:

– Мало того, сегодня мы сыграли премьеру! Успех был колоссальный, публика аплодировала стоя. Нас долго не хотели отпускать. Правда, ведь Коля?

Коля улыбнулся, и приосанившись, выдал из себя нечто, напоминающее «да». Нюсю вполне устроило это подтверждение, и она продолжила:

– Цветов надарили – море! Я буквально купалась в цветах! Наш главный режиссёр, хочет выдвинуть спектакль на Гос. Премию. Так что пошли, обмоем, не каждый день дают.

– Вы что, премию уже получили? – не поняла я.

– Нет, но получим. Пошли!

– У меня ребёнок спит.

– Лёлька подкинула?

– Да. Сашенька спит, боюсь вдруг проснётся и испугается.

– Испугается, заорет, ты услышишь и вернёшься. Не ломайся, пошли.

Пришлось покориться. Нацепив халат прямо на ночную сорочку, я отправилась праздновать получение Гос. Премии. Коля, вспомнив о том, что он мужчина, галантно, насколько это было возможно в его положении, поддерживал меня под руку.

Комната Нюси, как и все комнаты в нашей коммуналке, была просторной, с высоким потолком. Но, зайдя в помещение, я не сразу смогла рассмотреть присутствующих на торжестве коллег Нюси. Сигаретный дым заволок всё пространство комнаты, намертво застыв под потолком.

– Знакомьтесь, это моя соседка Света. Между прочим, не замужем.

Нюся подставила мне стул, и представила гостей:

– Это Рита, гениальная актриса нашего театра. Ритусик работает у нас всего один сезон, но показала всем нашим бездарям, как нужно работать.

Рита, похвалу Нюси, восприняла как должное. Безучастно куря, она даже не взглянула в мою сторону. Рита была немолода и некрасива. Честно говоря, если я увидела её на улице, то и не догадалась, что эта, внешне ничем не примечательная женщина, актриса. У меня, впрочем, наверняка, как и у большинства людей, представление об актёрах шаблонное. В моём

понимании, это нездешние люди, высокодуховные, вне быта и социальных связей. А передо мной сидело совершенно безликое существо, с гипертрофированным чувством собственного достоинства.

– Руслан, – продолжала между тем соседка, – молодой, подающий большие надежды режиссёр. Сегодня мы закрывали сезон, спектаклем, поставленным этим незаурядным человеком. Поверь мне Светочка, город ещё не видел подобного действа!

Руслан, несмотря на удушающую жару, был одет в костюм, и не снял даже пиджак. Неизвестно, то ли он мёрз, при тридцатиградусной температуре окружающего воздуха, то ли опасался утратить презентабельность, лишившись предмета гардероба. Видимо, для солидности же он отпустил усы и бороду. Борода клочками торчала в разные стороны, и он привычным жестом, оглаживал её, пытаясь придать хоть какую-то осмысленную форму. Руслан, лишь только его представили, рванул с места, и галантно чмокнул мою ручку. Затем, проникновенно, глядя в глаза, заявил:

– Светочка, вы просто очаровательны! Право, нечасто приходится лицезреть подобную красоту. Определённо вы из аристократического рода! Тронут, тронут, поражён!

Пропев дифирамбы моей неземной красоте, он вновь приложился к ручке, и замер надолго. Думаю, его мутило.

– Разрешите за вами поухаживать. Что предпочитаете пить в данное время суток? – справившись с дурнотой, выдавливая из себя капли галантности, суетился Руслан.

Вопрос был праздный, поскольку кроме водки на столе ничего спиртосодержащего, не было. Мне стало любопытно, как он выкрутится, и я нагло заявила:

– «Мартини».

Нюска, запрокинув голову, громко захохотала. Остальные участники пирушки реакции не выдали. Несмотря на свою молодость и внешнюю не представительность Руслан обладал властью, и его подчинённые не очень то торопились высмеивать вершителя актёрских судеб.

– Несмотря на великолепные внешние данные, вы ещё к тому же обладаете острым умом и тонким чувством юмора, – выкрутился Русик.

– Спасибо, – отчего-то смущённо пробормотала я.

– Надеюсь, – продолжил оболыщение режиссёр, – мы с вами подружимся.

Рита, до сего момента сидящая безучастно, отреагировала странно. Выпила залпом рюмку водки, прикурила новую сигарету, презрительно хмыкнула, икнула и вышла вон из комнаты. Нюся осуждающе заметила:

– Однако Руслан Антонович, какой вы непостоянный кавалер. Помниться у вас был роман с Ритусей. Или я неправильно информирована?

– Ах, что вы Анна Валерьевна! У меня и в мыслях не было изменять Риточке. Просто я не могу позволить, чтобы такая интересная женщина оставалась без внимания.

– И всё же мне кажется, что Ритуса обиделась. На мой взгляд, следует её успокоить.

Нюся вышла из комнаты, чтобы блестяще исполнить роль утешительницы.

– За отсутствием «Мартини» могу предложить немного водки. Вы не против?

Я редко выпиваю, и терпеть не могу водку, пьянею быстро, начинаю нести невероятную чушь. Если и есть в моей жизни поступки, за которые искренне и глубоко раскаиваюсь, то практически все они были совершены под воздействием крепких горячительных напитков. Но я прекрасно понимала, что в данной ситуации выпендриваться и отказываться негоже, возникает вполне резонный вопрос: «На кой чёрт тогда припёрлась?» Кивнув, я стала метать на тарелку икру, вернее, её остатки, какая-никакая, а всё ж таки закуска, а то совсем уеду – не догнать. Режиссер, положив руку ко мне на колено, подняв рюмку, предложил:

– А давайте на брудершафт!

Перспектива поцелуя с вязким режиссёром, меня не очень вдохновила, и я решила деликатно отделаться от него:

– С утра зубы ноют, не до поцелуев мне.

Но Руслан Антонович и не думал отступать от намеченной цели, он молча протянул мне рюмку, поддел мою руку на свою, и выпил водку. Мне ничего не оставалось делать, как последовать его примеру. Зажмурившись, я выпила отвратительную тёплую жидкость, и скривилась от омерзения. Пока водка совершала путь по пищеводу, меня перекашивало абсолютно асексуально. Но Руслан выждал, пока закончатся мои корчи, и потянулся губами к моему лицу. Перед тем как поцеловать меня, он провёл дланью по моей голове, и нащупав заколку в волосах, расстегнул её. Сальные пряди упали на плечи, и я смутилась окончательно. После пляжа, конечно, следовало бы помыть голову, но отключили горячую воду, и это послужило хорошим оправданием моей лени. Спасение пришло неожиданно, Коля, до этого мирно дремавший в кресле, проснулся и потребовал:

– Наливай!

Руслану пришлось подчиниться. Он с видимым сожалением выполнил просьбу. Глядя укоризненно на бестактного актёра, самозабвенно кушавшего водку, заботливо справился:

– Коля, тебе не пора спать?

– Не, Руслан Антонович, щас буду как огурец. Выспался же. А где все?

– Девочки вышли проветриться. Не хочешь последовать их примеру?

– Не, мне тут хорошо.

– Тогда пойдй, поставь чайник.

– Ньюска придёт, поставит. Чего я, главное, должен ставить? Она хозяйка. А я как-никак мужик, не мужицкое это дело чайники ставить. Вот моя жена, твёрдо усвоила истину...

Коля приготовился поведать о своих взаимоотношениях с супругой, но Руслан Антонович остановил его:

– Я вижу, ты непонятливый Коля. Девочки вышли, не захотели нам мешать, а ты вроде как не понимаешь что лишний. Ступай.

До Коли, сквозь пелену замутнённого сознания дошло, наконец, чего от него хотят, и он, гаденько улыбаясь, вышел, матерясь из комнаты.

– Ну вот, наконец-то мы одни. Продолжим?

Руслан Антонович, не сходя с места, взял меня за руку, и резко притянув к себе, усадил на колени, и впился слюнявым ртом в мои губы. Сказать, что мне было неприятно, это ничего не сказать. Да ещё и водка, порывалась выйти обратно. Я едва дождалась конца примитивной ласки. А Руслан, не замечая моего отвращения, проворковал:

– Потанцуем?

Не дожидаясь моего согласия, он подошёл к музыкальному центру и поставил диск. Этот музыкальный центр Ньюскина гордость, пожалуй, единственная дорогостоящая вещь в её доме. Зазвучал саксофон. Музыка плавно заполнила пространство убогого жилища, вещая о вечной любви и тоскливом одиночестве.

Режиссер, галантно пристукнув subtilной ножкой, пригласил меня разделить восторг перед вечной музыкой. Лишь только я, подчинившись его воле, выплыла на зов печально – прекрасной мелодии, поняла, что дело не ограничится одними объятиями. Руслан медленно, но напористо, взялся ласкать меня. Крепко сграбастав мою талию, он парализовал мои движения, и ни о каком сопротивлении речи быть не могло.

Неожиданно, мне стали нравиться его нехитрые ласки. В конце концов, я свободная женщина, и никто не вправе осудить меня за мелкое нарушение морали. Часто из-за своего почти пуританского воспитания, я не могла себе позволить близость с мужчиной, считая это неприличным. Разумеется, близкие отношения с дядькой, не являющимся мужем, нельзя назвать добродетелью, но по нынешним временам, не такой это большой грех.

Мы продолжали целоваться, двигаясь в такт музыке. Потная рука режиссёра, расстегнув халат, добралась до бюстгальтера. На мне был надет старенький, купленный на китайском

рынке предмет женского в данном случае позора. От ветхости и постоянных стирок, крючки заржавели, и требовалось немало терпения, чтобы их расстегнуть. Промучившись и не достигнув желаемого, Руслан, скинул с меня халат, и снял бюстгальтер через голову. Картинно зажмурившись, случайный воздыхатель поведал:

– Твоё тело просится на полотно. Эта белая мраморная кожа, великолепная почти девичья грудь, рукотворный, в своём совершенстве изгиб бедра, способны вдохновить на создание нетленного полотна талантливого живописца.

Руслан заливался соловьём, придумывая всё новые и новые поэтические сравнения по поводу моей неземной красоты. По правде, говоря, он явно перебарщивал. Красотой я не блещу, грудь маловата, бедра толстоваты, ноги коротковаты, пузико, вообще, могло быть не таким «пирожковым». Но было приятно слушать хитрого обольстителя. Конечно же, я понимала, для чего так старается перспективный режиссёр, но не мешала Руслану осуществить задуманное.

Моя подруга Лёля, удивляется, как я могу жить без мужчин долго. Подруга даже однажды высказала предположение о моей физиологической холодности. Я не стала разубеждать её, но не потому, что хотела сохранить интригу, а потому, что и сама не была уверена в своей горячности. Малочисленные контакты, не могли свидетельствовать о моём пылком темпераменте, было приятно, но никаких фонтанирующих эмоций я не испытывала. Лёлька объясняла это тем, что мне не подвернулся мужчина способный вытащить наружу спящий до поры до времени вулкан страстей. Ещё дражайшая подружка советовала немного кривить душой, и изображать перед мужчиной в момент близости страсть и неземное блаженство, мужики-де это любят.

Помня наставление сердобольной Лёлечки, я теперь решила сыграть пылкое влечение, в меру своих способностей, конечно. Руслан Антонович запер дверь и, пригасив ночник, потащил меня на диван. По дороге я достаточно громко и утрировано стонала. Режиссёр судя по всему, верил в мою искренность и огромную степень желания.

Очувтившись на диване я, продолжала вопить дурниной присовокупив неумелую акробатику. Руслан, возмнив себя страстным любовником способным довести женщину до экстаза одним своим видом, старался держать марку, и его ласки усиливались в геометрической прогрессии. Не снимая одежды, он гладил моё нагое тело, беспрестанно восхищаясь его совершенством.

У меня возникло подозрение. Одно из двух: либо он так перекрыт, что не замечает моей чуть расплывшейся талии, целлюлитных ножек, и пионерской грудки, либо на его жизненном пути попадались экземпляры похуже, и я на их фоне, на самом деле королева. Руслан взопреп, по лицу стекали крупные капли пота, а тело, облаченное в тёплую одежду, излучало тепло способное обогреть не одно помещение. И тогда я, как учила Лёлька, прошептала ему на ушко:

– Милый, раздёнся, в конце концов. Не томи меня, ты же видишь, я на всё согласна. Бери меня целиком, обещаю, ты не забудешь эту ночь никогда.

По поводу того, что не забудет я, конечно же, погорячилась. Наутро, вытрезвясь, он вряд ли вспомнит случайное ночное пришествие. Но Лёлька говорила, что переиграть не страшно, страшно оставаться равнодушной, вот я и старалась изо всех сил. Ловелас начал освобождаться от одежды. Делал он это крайне суетливо и невыразительно. С пиджаком ещё куда ни шло, а вот с брюками конфузец получился. Чертыхаясь и дрожа от нетерпения, он возился с ремнём минут пять. За это время, даже самая страстная и горячая от желания женщина, способна была заснуть, проснуться, постирушки там разные устроить...

Наконец, избавившись от пут, Руслан предстал передо мной в застиранных трусах, и кинулся в объятия, распахнутые ему навстречу. И в порыве страсти, стукнулся о спинку дивана так, что я всерьёз начала опасаться за его здоровье, прежде всего психическое. Подобный удар, не мог не сказаться на умственных способностях, если, конечно, таковые имелись.

Заорав как пожарная сирена, Руслан облапив голову руками, начал нежно нянчить её. Мне стало скучно. Вот ведь незадача, вместо репетиции оргазма, работа сестры милосердия. Накричавшись вволю, Руслан затих. И через десять минут гений не подавал признаков жизни. Испугавшись, что травма могла повлечь за собой потерю сознания, а ещё хуже смерть, я стала тормошить пострадавшего, но он лишь вяло попросил не тревожить его. Режиссёр блаженно почивал. Нацепив на себя одежду, я уселась в кресло и стала слушать гениальную музыку. От этого занятия меня отвлек стук в дверь, и голос хозяйки:

– Ну, вы скоро там?

Распахнув дверь, я впустила уже успевшую протрезветь Нюсю. Она опрометью бросилась к столу, налила себе дозу и выпила не закусывая. Она не привыкла быть трезвой.

– Ну, как? – неопределённо осведомилась хозяйка.

– Что как? – решила я подзадорить Нюську.

– Не прикидывайся идиоткой. У вас уже случилось? – горя от нетерпения и абстиненции суегилась Нюся.

– Нет.

– Почему? – почти по-человечески удивилась актриса.

– Он уснул.

– Как?

– Как все люди.

Смех, давивший меня изнутри, наконец, вырвался наружу:

– Представляешь, в самый ответственный момент, он ударился башкой, поныл, поныл, да и заснул благополучно.

– Во, даёт! Нашим расскажу, не поверят, – злорадно смеясь, пообещала Нюська.

– Не надо. Пусть это останется между нами, и потом, с кем не бывает.

– Ну, уж нет! В театре ко всем бабам клеится, а дело кончается одним и тем же, – засыпает понимаешь в самый ответственный момент. Гнёт из себя Казанову, а на поверку, немощен как кастрированный петух.

– Знаешь, по-моему, он несчастен, – неуверенно предположила я.

– Во, во, наших баб хлебом не корми, дай пожалеть какого-нибудь завалищего. И чем несостоятельнее мужик, тем большую жалость вызывает у дурочек вроде тебя. Да ты знаешь, какие интриги он плетёт в театре?! Не успел приехать, а труппу уже разобшил. Теперь у нас в коллективе два клана: те, кто пресмыкается, зарабатывая себе роли, и те, кто в оппозиции. А всё он, гений наш. Между нами, говоря, и спектакли он ставит дурные, ничего нового, бесперспективный он.

– Полчаса назад ты совсем другое говорила, соловьём заливалась по поводу его таланта, – напомнила я принципиальной актрисе.

– Ну и что? Мой язык что хочу, то и говорю. Мы народ подневольный. Правду-матку резать – без ролей остаться. А мне уже тридцать, поздно доктор пить «Боржоми».

Насчёт своего возраста Нюся, конечно, погорячилась. Не тридцать ей, а пятьдесят без малого. Хотя кто этих актрис разберёт? Может, и вправду земные годики не в счёт? И ведут они отсчёт времени, своим особым вывернутым мерилом. Я не стала её поправлять, и собралась уходить.

– Посиди а? Не люблю оставаться одна, – попросила Нюся.

Меня моё одиночество не тяготит. В течение рабочей недели, так устаю и физически и эмоционально, что долгожданные выходные с удовольствием провожу в гордом одиночестве. На мой взгляд, найдётся немало интересных и полезных занятий, способных скоротать досуг. Но Нюся, сколько помню её, боится оставаться одна. Прозябая почти круглосуточно в театре, она умудряется скучать по людям.

– Давай выпьем, завтра же воскресенье, на работу тебе не надо.

– Наливай! – милостиво согласилась я.

Мы продолжили вечеринку. Вначале долго молчали, думая, каждая о своём – звуки сакофона, располагали к внутреннему философствованию.

– Я ведь люблю его, – трагично торжественно заявила Нюся.

– Кого? – не поняла я.

– Руслана.

Вот те раз! То интриган по совместительству импотент, а то сразу люблю. Да, драматический сюжет.

– Он похож на мою первую любовь: такой беспомощный, жалкий, но в то же время удивительно трогательный. Знаешь, есть в нём что-то от пацанёнка. Пыжится, авторитет зарабатывает, романы с бабьём заводит, а сам ещё дитя дитём. Боюсь, сожрут его в нашем террариуме. Но ничего, возьму над ним шефство, отопрею, вдохновлю на подвиги, и будем мы с ним счастливы до конца дней своих.

– На пятнадцать лет поди младше? – не удержалась я.

– Не на пятнадцать, а на восемнадцать. Ему только тридцать два.

– И тебя не смущает это?

– Нет, я ведь и впрямь люблю его. Подумаешь – возраст! Он и не представляет, какое блаженство я ему подарю.

– А он в курсе твоей любви?

– Нет, пока это моя тайна. Перебесится, сведёт знакомства постельные со всеми нашими бабами, успокоится, тогда я его тёпленьким возьму! Поверь, я умею ждать.

– Зачем тогда нас с ним наедине оставила? Знала ведь к чему дело клониться.

– С тобой, не с кем-нибудь. Ты чистая, мужика не обидишь. Главное, чтобы ему было хорошо. И потом, ты помогла мне избавиться от Ритки. Как только он начал отсыпать тебе комплименты, эта грыжа паховая срыгнула.

– Зачем же приглашала её?

– А он бы не пошёл без любовницы. Вот ведь как бывает вроде не красавица, а даже совсем наоборот непорядочная сволочь, а мужики слюни пускают. А вот взять хоть бы тебя: смазливенькая, добрая и преданная, распушенная в меру, а что-то я не наблюдала паломничества мужского. Не разобрать, чего им нужно.

Я не отреагировала, потому что сама не знала ответа на такой злободневный вопрос. Спроси у каждого отдельно взятого мужчины, какую он жену хотел бы иметь, ответ будет примерно одинаков: добрую, хозяйственную, преданную. А на практике что? Смотришь – дура дурой, ни души, ни сердца, а рядом мужичок неплохой такой обосновался. А со мной, вообще, проблема: не сказать что дура, но и не светоч мысли, по хозяйству хлопочу, конечно, но без фанатизма, умеренно работоспособна, да и личико без фантазий.

Тишком примостившись возле Руслана, Нюся обняла бедолагу, и, прижавшись к нему, принялась вдыхать запах молодого тела. Со счастливой улыбкой сообщила:

– Пахнет вкусно, обалдеть! Мой будет, это точно, пусть выдры театральные даже и не мечтают о нём.

Она заснула, с блаженной улыбкой обречённого мытаря.

Выйдя в коридор, я обнаружила, что перегорела лампочка. В нашей квартире было заведено оставлять свет в коридоре на всю ночь. За электроэнергию, мы не платили, а потому не отказывали себе в этом удовольствии. Мне пришлось пробираться на ощупь. Коридор был узкий, и чрезвычайно длинный. Моя комната, находилась в противоположном от комнаты Нюси, конце. Коридор все без исключения использовали как перевалочную вещевую базу. Смотришь вроде вещь ненужная место в доме занимает, а выбросить жалко. Куда её? А в коробочку, в сундучок, в шкафчик, в мешочек, и в коридор. Полежит вещица годиков пять-шесть (это индивидуальные показатели) а уж потом можно смело на помойку. Вот, например, Инга

с Виктором, готовясь к переезду, закупили новую мебель. Но товарищи дорогие не выбрасывать же вот этот чудный диванчик! На нём папа Виктора был зачат, в аккурат сто лет назад.

Бабахнувшись пару раз головой, и чувствительно зашибив мизинец на левой ноге, когда до заветной цели оставалось полшага, я вдруг наткнулась на что-то мягкое. В первую секунду, по инерции продолжила движение, но затем остановилась, пытаюсь понять для себя, что это было. При детальном ощупывании этот предмет оказался мужчиной. Я помертвела, от страха не могла двинуться и вымолвить хотя бы матерное слово, желудок с водкой внутри сжался, невообразимая тяжесть сковала ноги.

– Коля, это вы? – басом спросила я.

Ответа не последовало. Либо перепитый Коля был напуган не меньше чем я, либо не захотел идти на контакт. Отделившись от стены, мужчина бросился наутёк, и скрылся в ночи. Это симптомы белой горячки или личной невоспитанности? Хотя какая разница, спать охота, сил нет, а тут ещё про Колю думай.

Какие бы неприятности, волнения, бури ни витали над моей головой, все они мигом улетучиваются, стоит мне оказаться в родных стенах. Колдовское свойство комнаты, придумала тётка Елизавета, Ивановна. Будучи маленьким ребёнком, и приходя с улицы либо с разбитым носом, коленкой, или осмеянная дворовыми ребятами, я, бросалась на шею любимому человеку, и принималась выть в голос. Позволить себе подобное прилюдно, я не могла. Тётка, увещевая меня, приговаривала, мол комната волшебная, и любые напасти уйдут, да так, что и не вспомнишь больше. То ли уговоры, и нежная речь любящего человека, так действовали на меня, то ли комната и в самом деле обладала свойством прогонять невзгоды, только зализав раны, я смело выходила во двор, навстречу приятным открытиям и неприятностям, придающим стойкость. Этот рефлекс, сформированный в детстве, остался и поныне.

Подойдя к окну, я раскрыла его. Под моим окном, рос куст сирени. Одурающий аромат просочился в комнату, заставляя тонуть и растворяться в чудном запахе. Я легла на диван. Вдруг Сашенька, казалось мирно сопевшая, повернула ко мне своё личико, и я увидела, что оно мокрое от слёз. В темноте блестели огромные глаза, и она, не мигая, смотрела на меня укоризненно.

– Что случилось, Саша?

– Где ты была? – уже плача в голос спросил ребёнок.

– У Нюси, у соседки, ты ведь её знаешь.

– Ты пила водку?

Я сконфузилась, но врать не хотелось.

– Да.

– Зачем? Разве у тебя душа болит?

– Нет. И потом водку пьют не только когда душа болит, но ещё и отмечают какое-нибудь радостное событие.

– Мама, когда пьёт, говорит, что у неё душа ноет. А какое радостное событие ты отмечала?

– У Нюси закончился сезон в театре, она пошла в отпуск.

– А почему это тебя так обрадовало?

– Не обрадовало, Нюся пригласила меня, вот я и пошла.

– И ты ради этого бросила меня здесь одну?

– Ты спала, – принялась я оправдываться, – и потом, я отсутствовала недолго. В случае если бы ты проснулась, и начала кричать, я услышала.

– Что я маленькая, чтобы кричать? А тебя не было долго. Я проснулась, чтобы пописать, но так и не смогла тебя дозваться. И теперь – вот!

Она откинула одеяло.

– Я описалась! – и снова горькие, теперь уже стыдливые слёзы. – Света, ты ведь не сердишься? Я просто побоялась одна идти в туалет.

Я не гневалась на Сашеньку, мало того, мне было жаль её и стыдно за себя.

После того как я поменяла бельё, Сашенька моментально погрузилась в сон, удобно устроившись на моей руке.

Через открытое окно почувствовав добычу, налетели комары. Безнаказанно фланируя над ухом, ненавистные твари норовили отыскать сладкое местечко, дабы устроить кровавый пир. Не хотелось тревожить Сашеньку, и потому, полночи я была вынуждена терпеть инквизиторские пытки. Когда ребёнок перевернулся на другой бок, тихонько встала чтобы закрыть окно.

Кусты сирени заколыхались, послышался шорох. Я обомлела. Быть может, это кот Степан? Он ушёл три дня назад на поиски суженой, да так и не вернулся. Вообще-то, я спокойна за Стёпу. Он у меня парень вполне самостоятельный. Бывало, пропадал на целый месяц, когда уже слёзы по безвременно ушедшему коту высыхали, и не одна рюмка была выпита за помин его блудной души. Я позвала:

– Стёпа, Стёпа, кис, кис, кис.

Кот не подавал признаков. Обычно, ему не требуется приглашения, и если окно распахнуто, кот, спокойно запрыгнув вначале на высокую завалинку, с неё на подоконник, оказывался дома. Я затворила окно, посчитав, что животное ещё не выполнило всю запланированную программу.

День второй – воскресенье

Утро началось с воплей и плача. Инга надрывалась, а Матрёна Николаевна плача, пыталась ей противостоять. Нет, покоя не будет. Я поднялась и, услышав предмет спора, мгновенно погрузилась. У Матрёны Николаевны, вновь пропали банки с заготовками. На этот раз, увидев меня, Инга испугалась, и рванула в свою комнату, на ходу теряя тапки. Старушка, всё так же в отчаянии бросилась мне навстречу.

– Ну кто ещё?

У меня на миг мелькнуло подозрение, что Матрёна Николаевна, на старости лет, лишилась рассудка. Эта ситуация начала раздражать, и чтобы отделаться от неотвязной бабули я пообещала:

– Я вычислю вора, и отдам в руки правосудия. Слышала, что за кражу сейчас дают пять лет колонии строгого режима. Пусть Инга посидит, и на досуге подумает, как обижать пожилых людей!

Матрёна Николаевна сгинула, а через минуту вернулась, стискивая в руках банку с необъяснимым содержимым.

– Это вам Светочка, за труды.

Я принялась было отказываться, но Мотя смотрела на меня как на Спасителя, и мне пришлось принять подношение. Даже под пыткой я не стану это есть, но было жалко, старого, напуганного жизнью человека. Сколько себя помню, ни разу Мотя не подарила никому ни одной банки. Видимо, сегодняшний жест, был проявлением искренней, глубокой благодарности.

– Могу я попросить вас о маленьком одолжении? – «включила ангела» Мотя.

Кажется, мне определена участь заступницы и покровительницы всех нищих и убогих. Отнекиваться неловко, тем более за труды со мной уже расплатились неудобоваримой едой. Состроив счастливую мину, я отозвалась:

– Безусловно! Всё что угодно.

– Помогите снести банки в подвал. Я, видите ли, стала немощной, самой трудно. Пожалуйста.

Мы составили банки в картонную коробку из-под порошка. Матрёна Николаевна со связкой ключей, слишком резво для немощного человека рванула вперёд, я с неподъемной ношей (прямая угроза лишится возможности родить детей) – пыталась не отставать.

В подвале пахло плесенью, мышами и чем-то горелым. Нос, под воздействием подземельных запахов и пыли зачесался со страшной силой. У меня не было возможности почесать его, – руки заняты тяжёлой коробкой. Нет, это невыносимо! Это пытка! Это настоящее нестерпимое страдание, когда так чешется нос. Поставив коробку на пол, в две секунды растеребила нос до размеров спелой груши. Баба Мотя, как ни в чём не бывало, семенила к цели, стыдила Ингу, Виктора и всех нехороших людей. Неожиданно она вскрикнула, и смолкла. Я застала Матрёну перед распахнутой дверью кладовой.

– Что случилось?

– Открыто... Открыто... Бомжи... Опять...

– Матрёна Николаевна, миленькая, не переживайте так, вы, вероятно, в прошлый раз не закрыли дверь сами.

– Нет, нет, что вы Светочка, это исключено. У меня три замка, и я всегда по три раза проверяю, заперты ли они. Я боюсь идти внутрь. Будьте любезны, гляньте, всё ли там на месте.

Взяв у Моти фонарик, я шагнула в громадную кладовую. Коряво соструганные, и небрежно приделанные полки, занимали всё пространство, от пола до потолка. Пройдя в самый дальний угол, я увидела, что часть полок обвалилась, и битые банки, с вонючим содержимым, валялись уродливой кучей.

– Что там? – услышала я вопрос.

– Идите сюда, только не волнуйтесь.

Осторожно на цыпочках несчастная приблизилась ко мне.

– Катастрофа! Я погибла! – захрипела Мотя.

Я не на шутку испугалась за неё, а потому громко и требовательно приказала:

– Ступайте, и принесите ещё коробку, веник, совок. Да, и позовите кого-нибудь на помощь, мне одной не справиться. И не волнуйтесь так. Это только кажется, что банок много разбилось, на самом деле две – три не больше.

Поверила она мне или нет, но всё же отправилась за подмогой. Я тоскливо обозревала окрестности. Чтобы убрать всё это вонючее безобразие, уйдёт целый день. Портить воскресенье не хотелось, но, видно, другого выхода нет, – Матрёну может хватить паралич. Потом, после уборки, нужно ещё вести душевительные беседы с потерпевшей. Прошло минут двадцать, а старуха не возвращалась. Может, ей по дороге сплехело? Фонарик, горел слабо, я торопилась, постоянно спотыкалась, подворачивая ноги, проваливалась в ямки, матерясь, к тому же зацепившись за железную арматуру, порвала халат.

Расстроившись до невозможности, проклиная всё на свете, наконец-то в дневном проёме я увидела свет. Пospешила, и опять обо что-то запнулась. Зарычала от досады и отчаяния. Но то, что я увидела в следующую минуту, заставило умерить раздражение. Препградой было Матрёнино тело. Маленькая, скрюченная вся, она смотрела на меня осуждающе: «Чего же ты так неосторожно-то?». Я даже не подошла к ней, потому что в этом не было надобности. Предомной лежал мёртвый человек. Возможно, сердце не вынесло потрясения, и старуха скончалась от горя.

Соседи, взбудораженные происшествием, вызвали полицию и нашего участкового Константина Ивановича. Полиционеры, прибыв на место, быстро разобрались в ситуации, и не найдя на теле погибшей следов насильственной смерти гогоча, укатили. Константин Иванович, осмотрев труп, принялся дотошно исследовать подвал. Я, как привязанная, ходила за ним, и почему-то чувствовала себя виноватой. Всем ведь понятно, что Мотя скончалась самостоятельно, без чьей-либо помощи, но у меня было ощущение, что я не уберегла старуху.

Не по чину вьедливый участковый, вообразив себя великим сыщиком, что-то поднимал с пола, осматривал, криво ухмылялся типа ему всё понятно, складывал в пакетик, кхекал, мекал, грубым басом прочищал запойную глотку, и ни слова не говорил.

Когда-то он служил в прокуратуре следователем по особо важным делам. Был пламенным беззаветным борцом с преступностью, взяток не брал, перед начальством не лебезил, не упускал возможности сказать дураку о его ущербности, а потому всем надоел хуже горькой редьки. А поскольку это упёртое непрошибаемое существо любило крепко и часто выпить, на этом его и подловили, и сослали на наш участок выслушивать по телефону донесения старух. Пламенности в Константине поубавилось, а вот пить он не бросил. Но работу свою всё же любил, и выполнял её добросовестно. Его недолюбливали и жалели.

– Твоя? – снизошёл до вопроса участковый, тыкая мне в нос галошей.

– Нет, Матрёна Николаевна в таких ходит, то есть ходила.

– Почему здесь? Труп там, галоша здесь.

– Не знаю, потеряла, наверное. Торопилась, вот и не стала искать.

– Ага, значит, босиком отправилась?

– Почему босиком? Она носки шерстяные надевала. Так и ходила зимой и летом.

– Замарашка была?

– Чего вы ерунду говорите! Сами ведь знаете, что нет.

– Выходит, позволить себе ходить в чистых носках по земле не могла.

– Нет, – зло ответила я.

И на всякий случай отошла подальше, а вдруг не выдержу и долбану этого долдона. А это граждане срок. Никто разбирать не станет пьющий или непьющий страж порядка. Покушение на власть нате вам с фигуркой!

– Прекрасно! Так, а это что?

Он поднял связку ключей и мужской носовой платок. Обнюхав платок, сложил его в полиэтиленовый пакет, на дне которого были крошки от печенья.

– Ключи её?

– Да по-моему...

– Платок?

– Не знаю, не видела.

– А чего ты вообще знаешь? Мармозетка малолетняя.

Я обиделась и, сунув невеже фонарь, рванула наверх. Только после того, как весь подвал был обшарен вдоль и поперёк Шерлок провинциального разлива вышел, наконец, на свет божий. Как ни в чём не бывало, Костик поинтересовался:

– Не знаешь, Матрёна одеколоном пользовалась?

Я молчала. И была неприступна. И демонстрировала полное презрение. Тогда, приблизившись к самому уху, Коська елейным голоском прошелестел:

– Ох, чувствую, девка, твоих рук дело, замочила старушонку между делом. Ты на музыкальных инструментах каких-нибудь играешь?

– Нет, – опешила я.

– Жаль, на зоне пригодилось бы...

– Ты дебил или как? Полиция-то не нашла криминала...

– Пацаны работать не хотят. Её волокли по земле, потому и галоша слетела. Так что запирайтесь бессмысленно. Колись!

– Не я это, не я! Вы что мне не верите? Для чего мне убивать-то? Я ведь и не умею...

– Этому в университетах не обучают.

– У меня средне – специальное образование.

– Оно и видно.

– Но послушайте!..

Участковый уже не слушал. Важный перец, насвистывая блатную мелодию, гордо удалился. Я старалась докричаться до него, а он даже не обернулся. Соседи, наблюдавшие за сценой, притихли, и кто с опаской, кто с осуждением смотрели на меня. Я повернулась к ним и, разведя руки в стороны, попробовала улыбнуться, вышло кисло.

– Вот ведь дурачок чего удумал. Решил, будто это я... Она сама... А он говорит что это я... А она сама... Старенькая ведь... Зачем мне-то?

Мне никто не поверил. Только Нюська, резко дёрнув за руку, потащила в комнату. Заставила выпить полстакана водки, и прихватив с собой недопитую бутылку, деликатно испарилась.

Истерика как будто прошла и я на трезвую голову стала думать над сложившейся ситуацией. С одной стороны, говорят, но это только говорят, сама то я не знаю, что Константин справедливый, а с другой, застоявшийся без работы алкоголик. Так что перспектива оказаться в колонии всё же есть, причём весьма реальная. Мне стало жаль себя, запутанная я вся какая-то, несурзкая, бестолковая, одинокая и... и... ну ещё, в общем, дура совсем безмозглая, невежущая. Пьяные слёзы катились по пылающим щекам, и преданная Сашенька, нежной ручкой гладила меня по голове, приговаривала:

– Не плачь тётя Света. Ты хорошая, и ты вовсе не дура, правда. У меня есть кукла очень красивая, хочешь, подарю?

– Нет спасибо, кукла мне не поможет.

– А что тебе поможет? – поинтересовался ребёнок.

– Не знаю.

– Вот! Сначала нужно узнать вдруг это у тебя уже есть. Тогда и реветь не надо будет.

Вечером, вспомнив о ребёнке, явилась-таки Лёля. Подруга, отказавшись от чая, томно курила сигарету, в ожидании пока Сашенька соберёт свои вещи. Весь её вид, говорил о том, что она с пользой, и большим удовольствием провела выходные. А мне было тягостно, и была потребность в сочувствии и понимании.

– А у нас случилось несчастье, – пролепетала я.

– Какое? – зевнула подруга.

– Матрёна Николаевна умерла.

– Кто это?

– Соседка наша, её комната через стенку.

– Сколько лет?

Честно говоря, я не знала точно, сколько лет было Матрёне. Почему-то вопрос о возрасте, возникает всегда когда кто-нибудь умирает. На мой взгляд, возраст не имеет никакого значения. Будто человек, проживший сто лет, не может рассчитывать на сочувствие и добрые слова после кончины. По большому счёту Лёльке было всё равно, умер сегодня, кто-то или родился. Собственные переживания, заполнили весь организм, не оставив места для чужого горя или радости. Ничего не поделаешь, – болезнь эгоцентриков.

– А ещё меня обвиняют в том, что я убила Мотю, – уже не рассчитывая на сочувствие, абсолютно по-идиотски захихикала я.

– С какой стати? – вяло отреагировала романтическая натура.

– Константин Иванович, участковый наш, ни с того ни с чего вдруг вообразил такую глупость. Представляешь как нелепо? – пустила я слезу в голос.

– Мой Славик адвокат, хороший адвокат, ой какой хорошииийий... не переживай, вытащит тебя. Только не понимаю, чем тебе старуха помешала?

От негодования и переполнившего горя, я не смогла вымолвить ни слова, Лёлька, бесспорно, издевается. Рухнув на диван, я зарыдала в голос. Сашенька подскочила ко мне, и принялась вновь успокаивать.

– Мама, ты, что не поняла, что тётя Света никого не убивала? Бабушка Мотя сама сандалики отбросила.

– Так говорить нехорошо, – одёрнула ребёнка «правильная» мать.

– А думать, что тётя Света могла убить Мотю, хорошо?

– Ведь Светка сама сказала, я хотела только помочь, – слегка подрастеряв томность, извинялась Лёля. – Вячеслав и в самом деле лучший адвокат в городе. Он такие дела выигрывал, что с этим справится в два счёта!

Воспоминание о всемогущем Славе, заставило любезную подругу сызнова окунуться в нирвану.

Меня давила злоба, я хотела поскорей избавиться от визитёров. Перестав горланить, сорвалась, и припадочно заметавшись по комнате, стала собирать Сашенькины вещи. Лёля наблюдала за процессом, затем с силой раздавив в пепельнице окурок, подошла ко мне, и вырвала сумку. Пыхтя и отдуваясь, я с ненавистью устала на счастливую подругу. Она гаденько усмехнулась, поняв моё к ней отношение, и проворковала:

– Что, голубушка, небось, завидуешь?

– Это чему же?

– Тому, что мужиков у меня целый воз, а ты самого завалящего в дом притащить не можешь!

– Завалящие по твоей части, это ты тянешь в постель все, что плохо лежит. Я предпочитаю, эксклюзивные образцы!

– Ой, такая не эксклюзивная дамочка, а кавалеров ей подавай первосортных! Тю-тю-тю, бе-бе-бе... Это что же мы о себе такое вообразили?

– В отличие от тебя, я знаю себе цену!

– И какова же она? – не на шутку заводясь, с издёвкой поинтересовалась подруга.

– Сама высокая! – запальчиво сообщила я.

Сашенька стояла между нами, понурился голову, но ни одна из спорщиц не задумывалась о чувствах ребёнка. Отстаивая каждая свою позицию, мы вошли в штопор, и спор, накаляясь, приобретал угрожающие масштабы.

– От тебя даже Василий Васильевич сбежал! Не выдержал твоей исключительности! – метала молнии Лёля.

– Я сама выставила это убожество, – парировала я.

Василия Васильевича мне подложила милая подруга. Затасканные аргументы насчёт краткосрочности бабьего века, уходящего поезда, возрастных физиологических изменений, легли в благодатную почву апофеозного отчаяния. Я сдалась.

Василий Васильевич мужчина в возрасте что-то от сорока пяти до семидесяти, в зависимости от освещения и настроения. Формой и содержанием напоминал перезревший огурец – жёлтый, прыщавый и абсолютно бесполезный в хозяйстве. Едва это кривоногое безобразие появилось на пороге квартиры, мне захотелось набить Лёльке её красивую морду. Ослепив железными коронками, шаркнув ножкой, Вася слюняво припал к ручке, и торжественно протянул две коробочки «Лимонных долек». С моей стороны – ползарплаты на стол, ползарплаты на парикмахерскую и маникюр.

Плотно закусив, Василий Васильевич, сделал комплимент моим кулинарным способностям, и выразил горячее желание и в дальнейшем питаться подобным образом. В ответ – пленительная улыбка перманентного идиота. Во время чаепития кавалер в одно касание уговорил коробку «Лимонных долек», ссыпал в кружку оставшийся сахар, и со счастливой миной, вылакал хлёбово.

– Люблю дольки, до ужаса. Мамаша моя, Царствие Небесное, была женщина скуповатая, и нас ребятишек, семерых наплодила, во как! не баловала. В детстве мечтал: вырасту, каждый день буду дольки себе покупать. Но, конечно, каждый день не получается – накладно очень, а вот в особо торжественных случаях, позволяю.

Смердя «Примой» и бросая тревожный взгляд на остатную коробку, Василий Васильевич делился планами на жизнь.

– Ты мне подходишь. Жить будем у тебя, мою квартиру сдавать станем, деньги на книжку. Машину хочу. А ты сколько получаешь?

Подумав, что маленькая зарплата отпугнёт любителя лимонных долек, объявила четверть получаемой суммы.

– Ну а подработать у вас нигде нельзя? – с трогательной надеждой поинтересовался Вася.

– Какое там! Боюсь, вообще с работы выгонят.

– Чего ж сразу то не сказала? И я дурак расслабился. Ну, тогда разговаривать не об чем? Пойду я.

Жалея впустую потраченного времени и денег, я всё же была счастлива, что относительно легко отделалась от перезрелого перца. Но рано радовалась, рано благодарила судьбу. Тёмную Васину голову, неожиданно посетила светло-мутная мысль.

– У нас в конторе, я ведь начальник большой, над слесарями команду, место пастристки освободилось. Оклад небольшой, а вот подношения всяческие очень даже хлебные. Не будешь клювом щёлкать, такими знакомствами обростёшь, что я тебе дам! Ну, кое-что, конечно, подкажу, введу, так сказать, в курс дела. Опять же у меня на глазах, кто знает, чем вы там, на работе занимаетесь, а так догляд постоянный. Баба без жёсткой руки вмиг борзеть начинает.

Я кисло пообещала подумать.

– Ну вот и хорошо, вот и умница. Тут ещё вот что... ты бы это... – по-детски симпатично смутился Василий, – справку, что ли, принесла.

– Какую справку? Из домоуправления?

– От, глупая! – смачно сплюнул на ковёр Вася, – из кожвендиспансера.

– Зачем?

– Так, это, в койку ляжем, а я думать стану, волноваться.

– О чём?

– Ну, как об чём! Вдруг ты заразная какая. Я проблем со здоровьем не хочу. Хочешь спать со мной, – гони справку!

На такое откровенное хамство я даже обидеться забыла.

– А вы что же от всех женщин справки требуете?

– А то! Вообще говоря, предпочитаю иметь дело с поварихами, официанточками, на худой конец продавщицами продуктовых магазинов.

– Почему?

– Так у них медосмотры каждые три месяца проводятся. Тут не забалуешь, справочка всегда имеется.

– Простите, а у вас есть справка?

– Какая такая справка?

– Из кожвендиспансера, а то от женщин требуете, а сами-то, небось, к венерологу носа не кажете.

– Мне это ни к чему, – сказал как отрезал Вася. – Я разборчив в связях, с кем попало, в койку не прыгаю. Так что будь добра, через неделю предоставь документ. Ну а там глядишь, и осчастливию тебя. Не пожалеешь! Всё по высшему разряду! Всё бодро! Но нечасто, имей в виду. Так что сильно рот не разевай.

Я взбесилась, но взбесь придержала до поры до времени. Эмитируя чувственный экстаз (глубокое грудное дыхание, высунутый ослабленный до предела язык, заведённые ко лбу скошенные глаза), пробормотала томно:

– Мне просто не терпится убедиться в ваших словах, и познать, наконец, блаженство, которое я верю, вы способны подарить женщине. А проблем с кожвендиспансером не будет, я девственна.

Примитивная жизненная радость маньяка мешалась с неверием, но простодушно-наивная мордашка избранницы развеяла сомнения. Воодушевившись произведённым эффектом, я продолжила:

– Есть только маленький нюанс, уж и не знаю, говорить вам до свадьбы или нет...

Василий напрягся, но раздраемый любопытством, всё же придвинул свой стул поближе ко мне.

– Говори, говори моя хорошая. Какие могут быть тайны между будущими супругами? В это ухо говори, в левом у меня вата с мазью. Ну, так чего там? Ты не бойся, говори.

Вася взопрел, на его красной, заскорузлой шее, в бешеном темпе пульсировала жила, выдавая тревогу и нетерпение хозяина.

– Ага, а подружки мне советовали не распространяться на эту тему. Вот, мол, женится, тогда и рассказывай, а до свадьбы, ни-ни.

– Ты не слушай их, они тебе зла желают, а может быть, просто завидуют. Сами то, поди, разведёнки, а то и вовсе не замужние, вот зубы от злости и точат. Говори, Светочка, мне можно.

Продолжая пускать слюни, я промямлила гнусаво:

– Энурез у меня еженощный, прям спасу нет!

– Это что ж такое то?

Видя тупо озабоченную физиономию кавалера, я чуть не расхохоталась, но вовремя закрыла лицо руками, имитируя плач.

– Писаюсь каждую ночь, прям беда. А ещё...

В принципе, хватило бы и одной истории о моём нездоровье. Жених, представив, вероятно, что ему случится спать в мокром ложе, охладевал на глазах. Но я решила усилить эффект, и излить душу до конца.

– Что ещё кошечка моя? – посурил Василий.

– Дизентерия у меня хроническая. Два раза в месяц как прихватит – хоть караул кричи. И что самое интересное, приступы начинаются в день получки и аванса. Однажды зарплату задержали, так и приступа не было. Как только деньги появились – опять напасть! Верите, все деньги на лекарства уходят.

Василий спешно отодвинул свой стул.

– А она, дизентерия-то есть, разве бывает хронической?

– А как же! Сейчас медицина далеко вперед шагнула, но вот мой случай неизлечим.

– А она, заразная?

– Ясно, заразная. В период обострения, все соседи болеют вместе со мной. Они, знаете, какие злые, постоянно обзывают меня нехорошими словами, и я только плачу. Это хорошо, что вы станете здесь жить, будете защищать меня, от этих монстров.

Перспектива отбивать от соседей, страдающую регулярным расстройством кишечника, супругу, явно не обрадовала повесу. Подпрыгнув, он заметался по комнате, рывком, снял с вешалки плащ, и резвее сайгака ускакал в дальние дали. Я, же полчаса не могла прийти в себя от смеха. Отсмеявшись, налила чаю, открыла коробку с дольками, и тут отставник вновь явился взору, рывкнул нелюбезно:

– Трогала?

– Чегой это? – прикинулась я валенком.

– Мармелад трогала руками? – ярился Вася.

– Да, очень вкусно спасибо. А куда вы бегали-то? За цветами, что ли? Или не глянулась я вам? Полюбили, и тут же разлюбили? Да вы садитесь, вместе почаёвничаем, я вам ещё не всё рассказала.

Жадность боролась с брезгливостью. Василий мучился, мучился страшно, так что от слабости еле держался на ногах. В конце концов, брезгливость победила, и тонко взревев, он убежал, как хотелось верить навсегда.

А я опять жду любви.

– Как же, сама выставила! – злорадствовала Лёля. – Хороших мужиков никто на улицу не выгоняет. Наоборот, подбирают, в дом приводят, отмывают, и живут счастливо!

– По части подбирания, ты впереди планеты всей! За тобой и не успеть. Где уж нам! Все помойки обшарила, в поисках дражайшей половины. Нам сиротам, ничего не оставила.

Цель была поражена. В нашем тандеме, была определённая расстановка сил. Старшая, не по возрасту, а по жизненной мудрости подруга, учила уму-разуму, осуждала, благоволила, позволяла, благословляла, поощряла, вдохновляла, наставляла, ругала, хвалила, в общем, руководила моим жизненным процессом. Сама Лёля была безупречна и в корректировках, советах, наставлениях не нуждалась. Захлопнув рот, она минуту, смотрела на меня не веря ушам. Затем, верно, придумав очередную каверзу, вкрадчиво любопытствовала:

– Юрочку тоже сама выставила?

Я напряглась, история с Юрой давняя и всей информацией не владеет даже эта так называемая подруга.

Как-то задержалась в редких гостях до двенадцати ночи. Автобусы не ходили, денег на такси не было, пришлось домой идти пешком, путь неблизкий и опасный. Я замёрзла, дело было зимой, после обильной выпивки болела голова, усталость навалилась такая, что казалось, сейчас упаду и усну на мостовой. Неожиданно, из-за поворота, вылетела иномарка, и рванула по пустой дороге с невероятной скоростью. Пролетев метров сто, машина остановилась резко,

и «задним» юзом покатила ко мне. Открылось окно, и молодой человек, сидевший за рулём, поинтересовался:

– Куда идём?

– Да, – на всякий случай согласилась я.

– Что да?

– Извините... я быстро... вон мой дом... там муж, и соседи, и ждут все, и не спят и волнуются, и в милицию уже позвонили... Я уже пришла, до свидания.

– Смешная... Садитесь, подвезу.

Я испугалась. Регулярно смотрю милицейскую хронику, где рассказывают о беззаботных девицах, решивших покататься с незнакомыми водителями, потом дурочек вылавливают из реки или откапывают за городом в лесу.

– В лес?

Незнакомец искренне от души рассмеялся, так что я даже обиделась.

– Девушка, не пугайтесь так! Разве я похож на насильника и убийцу?

– У меня нет денег.

– А у меня есть.

– Я не торгую телом! – запальчиво сообщила я.

– Даже если и торговали, температура вашего тела сейчас такова, что охотников не нашлось бы. Садитесь, а то совсем окоченеете.

У меня просто не было сил спорить. Холод сковал не только тело, но и мозг. Сев в тёплый салон автомобиля, в котором приятно пахло кожей и дорогими мужским одеколоном, я ощутила настоящее земное блаженство. Во время пути, водитель не докучал разговорами. Мы назвали друг другу свои имена, и дальнейший путь проделали в полном молчании.

Я украдкой разглядывала своего спасителя. Белокурый, цвет глаз скорее всего серо – голубой или зелёный, а может, золотистый. Нельзя было назвать его красавчиком, но он относился к мужчинам, от которых женщины тихо сходят с ума, и готовы идти на край света. Уверенность, сила, хорошее воспитание, безупречные манеры, довершали образ.

Но я никогда не терзаю свою душу бесперспективными мечтами, вот и тогда реально отдавала себе отчёт в том, что между нами пропасть, в том числе и финансовая. Вдоволь налюбовавшись, на мужчину, я приказала себе забыть о нём. Машина незаметно остановилась возле моего дома, и я пожалела, что сейчас глубокая ночь. Все соседи укладываются рано, и никто не может наблюдать моего выхода из роскошной иномарки. Конечно же, я не стала бы распространяться по поводу того, что это просто добрый человек, милостиво доставивший меня до дома. Нет, я бы держала интригу, и наши сплетницы голову сломали, где я подцепила этого орла. Но к сожалению, моим мечтам не суждено сбыться мещанский контингент дрых без задних ног. Но неожиданно Юра, спросил:

– Светочка, могу я задать традиционный вопрос?

– Конечно, – вынося ногу из салона, разрешила я.

– Что вы делаете завтра вечером? Вернее, сегодня вечером... вернее, ну вы поняли.

– После работы приду домой, поем, посмотрю телик, а там и баиньки.

Конечно, по законам жанра следовало, закатить глазки, прикинуться недотрогой, любви и внимания которой добивается не один десяток мужчин, напустить неопределённости, но, по-моему, даже дебилу понятно, что вокруг меня сплошная бытовуха, и никакой романтики. Но Юра, отчего-то пришёл в восторг от моих откровений.

– В наше время честность – редкое качество.

– Но абсолютно бесполезное.

– Надеюсь, вы не замужем.

– Нет конечно, – продолжала я говорить глупости.

– Почему конечно? – развеселился спаситель

– Если я была замужем, не таскалась бы одна по ночам.

– Резонно.

Дальше была сказка. Два-три, а то и четыре! раза в неделю, Юра приезжал за мной на своём роскошном автомобиле, и вёз на край блаженного света. Он умел и любил ухаживать, не был жаден, и о чудо! не женат. А на мой день рождения, устроил настоящий сказочный праздник. В пятницу вечером, мы с его друзьями и Лёлькой отправились за город на базу отдыха. Всё было обставлено с шиком: закуски и вина – высшего качества, актёры проводили смешные конкурсы, а вечером, в честь виновницы торжества, был запущен грандиозный фейерверк. Лёля умылась по полной программе, и не могла покровительствовать мне, и только молчала, и сопела от злости, ну, по крайней мере, мне хотелось так думать.

Оставив компанию веселиться, мы с подружкой, решили прогуляться по аллеям парка. Тёплая летняя ночь, счастье, льющееся через край, весёлые лица гостей, щедрость и предупредительность возлюбленного, всё это вскружило мне голову, и я, не переставая, скалилась так, что заняли мимические мышцы лица.

– Вы уже переспали? – в лоб спросила подружка.

– Нет, что ты!

– Вы когда познакомились?

– Пять месяцев назад, в январе.

– И что, ты хочешь сказать, что он ни разу не предпринял попытки сблизиться с тобой? Или, быть может, ты по каким-то неведомым причинам закрыла доступ к телу?

– Вот почему, тебе обязательно надо всё испортить? Ты привыкла мыслить шаблонно: если на второй день знакомства мужик не тащит тебя в койку, значит, импотент. Юра, в этом плане несовременный. Вспомни, как любили наши бабушки, прабабушки до свадьбы ни-ни. Он ценит мои чувства, и не хочет раньше времени опошлять отношения.

– С каких это пор, секс, между взрослыми половозрелыми людьми считается пошлостью?

Я не ответила. Я не была уверена, любит ли меня Юра. Внешне, всё выглядело просто превосходно, но внутри сидело сомнение, необъяснимое, тревожное, и щемящее. Что-то мешало мне с головой окунуться в эту любовь, мешало фантазировать, строить планы.

Через два месяца после знакомства, Юра пригласил меня в гости к своей маме. Квартира находилась в элитном, высотном доме, убранство самого жилища поражало воображение. Отчего-то хозяйка не встретила нас у порога. Юру этот факт не удивил, отложив многочисленные покупки, он взял меня за руку и повёл сквозь вереницу комнат. В дальней, самой светлой и просторной, на широкой кровати, лежала старушка: жёлтое лицо, выцветшие глаза, мышечная масса отсутствовала напрочь – дряблая кожа плотно прилегала к костям, мумия, а не человек.

– Знакомься мамочка, это Светлана. Помнишь, я говорил тебе о ней?

Мумия попробовала изобразить улыбку, и влажными глазами, вытаращилась на меня.

– Света, – обратился Юра ко мне, – это моя мама Нина Дмитриевна. Ну, вы тут пока поговорите, а я пойду, распорядюсь насчёт ужина, – нарочито бодро возвестил Юра.

Я присела на стул, и честно говоря, не знала как вести себя дальше. Более страшной картины угасающего тела, мне не доводилось наблюдать. Я заподозрила, что вместе с физическим, Нина Дмитриевна лишилась и психического здоровья, но она вполне бодрим голосом спросила:

– Деточка, вы любите моего сына?

Я сконфузилась, так как и сама не знала ответа на этот вопрос и только чтобы угодить, больной, утвердительно кивнула.

– Так я и думала. У вас необыкновенное открытое и доброе лицо. И потом, вы абсолютно не пользуетесь косметикой, такая редкость в наше время. Зачем портить естественную красоту, правда?

Ну, по поводу красоты, она, конечно же, погорячилась. Впрочем, всё познаётся в сравнении, на её фоне, я и впрямь была писаной красавицей. Что касается косметики, то не пользуюсь ею потому, что на хорошую нет денег, а от паршивой чешусь как шелудивый поросёнок.

Юра, очень любил мать, а она его. Их отношения, несмотря на недуг матушки, были гармоничны и пронизаны любовью и заботой друг о друге, идущей из глубины души.

– И после этого, ты будешь утверждать, что у него в сексуальном плане полный порядок? – докучала Лёля.

– У него мать больная, парализованная, ты бы её видела. Думаю, ей жить осталось от силы полгода. Юра нежно любит мать, и безумно переживает. У него сейчас очень трудный период в жизни. По мне, так лучше переждать этот момент.

– Ой, умная! Гляньте-ка на неё! Пока ты будешь ждать, другая быстренько охмурит, и в койку затащит. Он не успеет опомниться, как штамп в паспорте стоять будет. А ты, со своими дурацкими принципами на бобах останешься.

Лёля долго обрабатывала меня, убеждала взять инициативу в свои руки и обольстить, в конце концов, целомудренного мужика.

– Глядишь, у него и томление душевное пройдёт, – нашёптывала сводня.

Мы решили, что лучшего момента, чем сегодняшний вечер, не представится. Лёля дала рекомендации, разработала план, прослезившись, благословила на подвиги. Будь я чуть трезвее, быть может, не пошла на эту авантюру, но в тот вечер подогреваемая наперсницей и алко-голем, согласилась.

Подойдя к компании веселящихся гостей, я буквально вырвала Юрасика из толпы. Он не удивился, и покорно последовал за мной. В одноместном номере, снятом для меня одной, тем не менее имелась довольно широкая кровать. Прихватив пару бутылок вина, фруктов, я затащила его в номер, и заперла дверь. Нас никто не беспокоил, гости проявили сообразительность и такт. Честно говоря, что делать дальше я не знала, вернее, знала, но куража не было, но не бросать же на полпути начатое мероприятие.

Сначала заставила выхлебать его полный фужер шампанского, на все отговорки, что шампанского он не пьёт, хохотала неестественно и грозно. Сама же опустошила целых три фужера, вследствие чего открылась активная икота. Тоска и стеснение усилились, но Лёлькино задание должно быть выполнено даже ценой глубокого позора. В конце концов, отбросив ложный стыд, я начала стаскивать с нерешительного мужчины галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.